

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ОЛЬГА ШВЕЦОВА
СТОЯЩИЙ У ДВЕРИ

FUTURE CORP.

Метро

Ольга Швецова

Метро 2033: Стоящий у двери

«АСТ»

2013

Швецова О.

Метро 2033: Стоящий у двери / О. Швецова — «АСТ»,
2013 — (Метро)

ISBN 978-5-17-079661-8

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Что может быть важнее для выживших в ядерном безумии, погубившем мир, чем бункер? Убежище. Дом. Крепость. И что может быть важнее для бункера, чем дверь? Массивный гермозатвор с тяжелым «штурвалом». Он – граница между безопасным «тут» и смертоносным «там», терминатор между двумя мирами. Но всегда ли снаружи – враг, и всегда ли внутри – друг? Кто ты, стоящий у двери?..

ISBN 978-5-17-079661-8

© Швецова О., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ольга Швецова

Стоящий у двери

© Д.А. Глуховский, 2013

© О.С. Швецова, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Верхушки сосен раскачивались под ветром; упавшие шишки то и дело постукивали по широким листьям нового подлеска. Странного вида растительность, раскрашенная в разные цвета, пыталась отвоевать себе место между прямыми и стройными желтыми стволами. Старый лес не сдавался, а снисходительно наблюдал со своей высоты за буйствующими у его подножия эволюционными уродцами, за их судорожными попытками закрепиться на этой земле, передать потомству свои мутации. Опаленные недавней войной и выжившие деревья на своем долгом веку видели многое: возведение и разрушение жилищ вокруг них, суету маленьких существ у корней в поисках подосиновиков и опять, прыжки белок по их ветвям, нарушающие покой. Исчезли белки, появились создания, отродясь невиданные на этой земле, и новые растения-выскочки, забывшие, что флоре приличествует зеленый цвет, а не густо-фиолетовый и синий. Люди стали редкими гостями в лесу, перемещались теперь небольшими группами, упакованные в странные чехлы, осторожно оглядываясь по сторонам. К ним вернулся страх, и они больше не вмешивались в жизнь деревьев, спешили поскорее покинуть уже не принадлежавшую им территорию.

Только редкие огоньки костров среди зеленой чащи освещали по ночам поляны, лес не остался покинутым и необитаемым, дал приют тем, кому он был нужен. Ищущий убежище обретет его.

Долгий путь вымотал до предела, очень трудно найти дорогу, поэтому и направлялся человек по понятным ориентирам: вдоль железнодорожных путей. Думал, что станции метро обитаемы, но не был уверен, что каждая заселена. Поэтому, кажется, и прошел мимо многих островков цивилизации, где можно отдохнуть, спрятаться от опасностей поверхности. Патронов на дорогу хватило, а вот силы уже на исходе. Оглядываясь, судорожно переводя автомат с одного темного угла на другой, вздрагивая от каждого шороха, он шел между горами мусора и обломков. Если правильно помнил, то впереди должна быть станция «Электрозаводская». Двадцать лет назад она там еще находилась. Во что теперь превратился самый красивый метрополитен в мире? Как же давно он не видел города! Покидая его на пару дней, как ему казалось, задержался на долгих двадцать лет. И теперь не узнавал в руинах знакомых очертаний. На подходах к МКАД еще безотчетно надеялся увидеть привычную картинку, но ожидания, как всегда, не оправдались: те же кучи строительного мусора, только размером побольше. Большой город – большая куча. Вот и сравнялись, наконец...

Человек резко обернулся, но стрелять не пришлось, просто ветер гонял по асфальту не то тряпку, не то пакет; предмет шевелился, как живой.

Противогаз, казалось, уже прирос к лицу, приклеился намертво. Есть ли в метрополитене вода? Хотелось пить. Умыться. А больше всего хотелось опять спокойствия и безопасности. Теперь безопасность надо искать не дома за закрытой дверью в окружении уютной обстановки – да и цел ли тот дом? – а забираться под землю и запираться надежными гермоворотами. И все же – домой хотелось, хоть одним глазком поглядеть. Но разве доберешься? Да и зачем? Для начала надо попасть в нынешнее обиталище людей. Дом или люди? Где теперь дом? Наверное, тут, с себе подобными, да и то при условии, что его примут, а не расстреляют на подступах. Уверенности никакой, и пути назад нет – слишком далеко возвращаться.

Вестибюль станции находился где-то внизу; пришлось съехать с насыпи и тут же вскочить на ноги в поисках противника. Но ни человека, ни зверя в округе пока не видно. Тяжелые двери частично сохранились, исцарапанные когтями, побитые ударами пуль. Значит, есть люди... Теперь надо быть вдвойне осторожным: животные могут усомниться в том, что он угрожает им, а вот человек эти сомнения забыл. Хорошо еще, если окликнут по привычке: «Стой! Кто

идет?» Не отличаются люди гостеприимством в последнее время. Во всяком случае, в Москве исключения из правил искать не стоило.

Дырявая крыша вестибюля «Электрозаводской» прогибалась от снега, сугробы лежали и внутри – ветер заметал колючую поземку вниз на эскалаторы. В темноте показалось, что внизу блестит вода. Тепло. Там кто-то живет? Кто еще, кроме человека, будет обогревать подземелья? И будь метрополитен необитаемым, давно мог превратиться в переплетение промерзших бетонных труб, постепенно разрушающихся от сырости. Теперь путник ощутил, насколько сильно замерз, и поспешил спуститься вниз, насколько возможно спешить на проваливающихся под ногами ступенях эскалатора.

Проход был заделан давно, неровно уложенные кирпичи и камни обросли мхом. Но если метро отгораживалось от гостей извне, значит, было что сберечь внутри. Правда, ему от этого не легче: искать лазейку можно очень долго, нет никаких гарантий, что она найдется и не все станции прочно забаррикадировались от монстров. На мраморной облицовке что-то было нацарапано, стрелки и линии... И надпись – «вход». Значит, гостям всё же рады, но только двуногим, тем, кто умеет читать! Далековато располагался вход, до этой вентиляционной шахты еще предстояло добратся...

– Стой! Назовись, что ли... С какой станции? Документы!

Звука человеческого голоса он не слышал, казалось, целую вечность: трудности пути, страх и неизвестность сделали его длиннее, растянув время, как резину. Смысл слов дошел до путника не сразу. Станции действительно обитаемы! Люди ходят поверху, потому что его появлению никто не удивляется. Вот только где взять документы? Он решил пока на это не отвечать – усталость навалилась непосильным грузом, – и, едва разлепив пересохшие губы, назвал свое имя. Постовые подошли ближе. Один держал прищельца на прицеле, а другой стащил с его лица противогаз.

– Еще раз повтори, не слышно. Порядок есть порядок!

– Не станция... Бункер.

Человек упал на колени и растянулся на полу. Постовой наклонился к нему, внимательно разглядывая, подобрал упавший с «химзы» комочек грязи с налипшим мусором. И крикнул напарнику:

– Врача позови! Кажись, и правда не московский товарищ к нам явился...

Часть первая

Поход

Глава 1

Ветер странствий

Стукнуть в дверь или сразу смело браться за ручку? Голову занимали эти совершенно несущественные вопросы, отвлекая от главного: что сказать там, внутри? Как только командир сурово посмотрит из-под густых седеющих бровей, тут же забудется половина подготовленной речи. А когда спросит, зачем пришел, – даже не спросит, а как обычно выдохнет устало, – да еще и положит тяжелые ладони на крышку стола, отчего тот заскрипит... Тут вылетит из памяти и вторая половина. Останется только тихонько прошептать: «Хочу с вами в разведку». Неубедительно получится. Может быть, открыть дверь уверенно, храбро? Ногой? Так ведь открывается наружу... Денис представил себя подковыривающим железную дверь мыском ботинка, и самому вдруг стало смешно. Сомнения рассеялись, он постучал и тут же, не дожидаясь разрешения изнутри, вошел.

Седые брови поползли навстречу друг другу, и ладони придавили столешницу. Командир был не один – перед ним уже сидел один из будущих разведчиков, и Денис с сожалением подумал, что такому опытному сталкеру он проигрывает по всем статьям. Ни ростом богатырским не вышел, ни силой немереной, ни умением без промаха метать ножи, что по слухам было для этого наемника плевым делом. Единственное, на что он надеялся: возьмут за молодость и выносливость, ведь сталкером Денис был довольно посредственным, разве что уставал меньше других, возвращаясь из рейдов. А тут такое дело намечается, что по продолжительности ни одна вылазка с ним не сравнится. И так далеко от их станции не уходил еще ни один отряд. Только слухи долетали о дальних походах; слухов было много, но вот об удачных возвращениях героев говорили намного реже. Обычно это были легенды о бойцах, овеванных славой посмертно. И зачем же он сюда пришел? Именно об этом его и собирался сейчас спросить командир, хмурясь и прокашливаясь.

– Зачем пришел?

– Ну, ведь набор в отряд здесь проходит? Хочу с вами на поверхность.

Наемник слегка улыбнулся, а командир пробормотал что-то неразборчивое; показалось, что «едрена мать», годное почти на все случаи жизни.

– Ты хотя бы подожди, пока я тут с другим товарищем поговорю. Не фиг на чужое собеседование лезть. Жди, вызову.

И Денису ничего не оставалось, как ретироваться в коридор на прежние позиции. Чертова дверь, не пропускающая звуков! Так опозориться при незнакомце, с которым, может быть, еще придется вместе отправляться в путь...

...– Это что за чудо такое сейчас заходило?

Командир не знал, что и говорить:

– Да есть тут один молодой энтузиаст...

– Достал сильно?

– Не то слово!

* * *

Брожения в умах по поводу дальнего похода начались недавно. Начались с неожиданного появления на Электрозаводской чужого сталкера. Настолько чужого, что он удивлялся всему: ярким лампочкам, постам сотого метра и производственным цехам Бауманского Альянса. Пришельца содержали под надежной охраной, но слухи продолжали множиться и прирастать подробностями: вроде как он пришел из другого города чуть ли не в сотне километров от Москвы и шел не меньше недели, прячась по подвалам. По пути нашел кучу неоприходованных еще сталкерами складов, и теперь набирают отряд, чтобы всё это добро зря не пропадало.

Когда на станцию вдруг начали приходить наемники с других концов метрополитена, Денис понял, что дело серьезное, и подумал: зачем искать разведчиков по чужим станциям, если свои имеются? Теперь вот меряет шагами коридор под дверью, за которой проходили собеседования.

Чем он хуже других? Правда, ничем и не лучше... Опыта марш-бросков ему уж точно не хватало, но где было его приобрести, если не в походе? Он сможет себя проявить, покажет, на что способен! Пусть только ему дадут шанс попробовать себя в деле. В конце концов, ни один сталкер еще не родился в ОЗК и с противогазом на лице, все когда-то были молодыми и начинающими. Они смогли стать лучшими в своем деле, и он тоже сможет. Немного смущало, что командир отряда какой-то малознакомый, не с Бауманки. Легче было бы договориться со своим, с Казаковым, но Денис твердо решил не отступать перед трудностями и преодолеть трепет перед новым командиром. Не съест же он его... Во всяком случае, не съест здесь, на станции. Почему время тянется так медленно?

Ждать он не умел совершенно, принимал решения быстро и не понимал, как можно в этой жизни, полной опасностей, так тянуть с разговорами и сомнениями! Уж командир сталкеров должен быть решительнее других; впрочем, ему-то самому не приходилось набирать группу, может, тут лучше всё обдумать заранее.

Послышался щелчок дверной ручки, и молодой сталкер вихрем подлетел ближе, поправляя ремень и одернув старую куртку. Отступил в сторонку, пропуская наемника, и снова, не дожидаясь приглашения, шагнул внутрь. Сердце упало куда-то вниз: командир молчал, смотрел сурово и явно не собирался задавать наводящих вопросов о цели визита. Она и без того была ясна. А решение командиром уже принято, судя по тому, как он вздохнул и прикрыл глаза рукой.

Нет такого порядка, чтобы здоровые мужики сидели без работы, поэтому Денис временно нес службу на блокпосте у границы с Ганзой. Начало весны – такая пора, когда хороший начальник сталкера на улицу не выгонит. Уже приходила в голову мысль: не от безделья ли его вдруг потянуло уйти куда-нибудь подальше с отрядом разведчиков? Нет, ведь он давно задумывался, глядя на город: что же скрывается за его границами? И искал ответа в книгах, байках караванщиков или чуть больше похожих на правду рассказах сталкеров. Во время обучения он услышал достаточно поучительных историй, хоть они были рассказаны учителями для того, чтобы отвратить курсантов от ненужного авантюризма. Лучше запугать сразу и радикально. Но верили не все... Денис, к примеру, верил наполовину: да, пусть с кем-то случилось именно это, но мораль в том, чтобы чужих ошибок не повторять. Если он сам будет осторожен, то с ним не случится несчастья. Не должно. Иными словами, если не торчать посреди площади, из любопытства высматривая в небе птеродактиля, то не попадешься на пути бегущему стигмату, потому что не глядел по сторонам.

Денис хорошо запоминал, что ему говорят, выполнял инструкции, потому что очень хотел добиться цели. Дисциплинированный ученик всегда ее добьется. Но в своих мечтах он

все же хотел чего-то, никакой инструкцией не предусмотренного! Останавливали только опасения, что следующая поучительная история будет о нем самом, а вот он ее уже не услышит. К концу обучения мысли о далеких землях как-то позабылись, слишком много интересного происходило с ним и под руководством опытных наставников, к тому же Денис успел на собственном опыте понять: реальность превзойдет любую страшную сказку.

На посту происшествий не случалось, было скучно, однообразно и уныло. Даже поговорить не о чем, потому что обсуждать свои дела с кем-то, кроме командира, Денис не хотел. Да и с ним не очень-то получалось... Казалось, он давно уже остепенился и считал, что достиг потолка карьерного роста, попав в число сталкеров. А теперь снова вдруг вернулись давние мечты о Подмоскovie, существующем будто на другой планете; очень хотелось туда попасть, и, спрашивая себя, зачем, сам не мог ответить на этот вопрос. Разве мало того, что он стоит на рубежах обороны станции? Да, теперь уже было мало – фантазия снова рисовала впереди просторы неисследованных городских кварталов. А что за ними – этого он представить пока не мог, не видел никогда.

Мечты тонули во тьме тоннеля, в который он уставился невидящими глазами. Хорошо, что он не работал в мастерских, там такое увлеченное погружение в себя могло закончиться намного хуже, а сейчас его только ослепил свет неожиданно подъехавшей со стороны Ганзы дрезины, стука колес которой Денис даже не услышал. Выругавшись на свою рассеянность, протирая слезящиеся глаза, он вместе с напарником отправился проверять документы у пассажи́ров. И с большим недовольством заметил среди них очередного бывшего сталкера. Зачастили они на Бауманскую в последнее время. Правда, не все визиты к командиру заканчивались успешно – отбор был строгим, но Денис надежды не терял.

* * *

Главный Привратник закрыл за собой дверь кабинета и тяжело опустился на диван. В последнее время ему стало трудно преодолевать даже это небольшое расстояние от Зала заседаний до собственных апартаментов. Сегодня он впервые услышал вопрос: а почему эти люди называются Привратниками? Его задал всего лишь ребенок, но это не имело значения. В тишине комнаты он раз за разом вспоминал, как звучит этот детский голос. Почему... Почему... Если хоть кто-то может об этом спрашивать, значит, прошлое зачеркнуто, выражаясь привычно высокопарным стилем – предано забвению. Навечно, как он надеялся. Ну, хоть для кого-то...

Власть над собственной памятью не дана никому, если только высшая сила не очистит разум перед приближением конца жизненного пути. Вряд ли к нему природа будет так милосердна. Он приложил все усилия, чтобы стереть свое прошлое из памяти других, но не смог уничтожить его в собственной голове. И вместо детского звонкого голоса он начал слышать надрывные крики из-за закрывающейся стальной двери: «Впустите! Звери! Еще есть время – откройте!» И вой. Голос отчаяния. Если не видеть источника этого звука – ни за что не подумаешь, что за дверью люди. Так он и думал, изо всех сил налегая на приводное колесо гермозатвора, представлял себе, что защищает себя и других от хищной своры, готовой разорвать тех, кто успел укрыться в убежище. И что впустить опасных нелюдей внутрь – значит погубить всех остальных по эту сторону. Он так крепко в это верил! И заставил поверить всех остальных. Поверить, что он и еще несколько человек из числа его помощников подарили им жизнь, и жизнь эта теперь принадлежит ему. Только он вправе распорядиться ею. Закрывший двери перед толпой, пытавшейся укрыться в бункере, стал именовать себя Привратником.

Конечно, это произошло не сразу, потребовалось много времени. Но устаревшее слово стало общеупотребительным и начало совершенно естественно произноситься. Сначала как название правящей группы. Потом как титул. Ключ стал символом власти. Хотя какие ключи

могли быть у гермозатворов? Но ключ был ничем не хуже короны, разве что не надевался на голову. А сегодня он услышал этот вопрос, «почему Привратник?», и испытал удовольствие: хоть кто-то не знает о событиях двадцатилетней давности! Он отдал бы всё, чтобы так же, как это непросвещенное дитя, никогда не вспоминать об этом!

Темные времена не попадают в исторические хроники, поэтому и зовутся темными. Их не достигает свет познания, ему просто не позволяют пробиваться сквозь препятствия, которые никто лучше очевидцев событий не воздвигнет на его пути. Запрет письменного слова для всех, кроме приближенных, оказался очень удачной идеей, одной из первых идей Главного Привратника, ощутившего вкус абсолютной власти. Ему понравилось...

* * *

– Так почему все же Привратник?

Уполномоченный представитель главы Бауманского Альянса Поповкин никак не мог взять в толк, каким образом совсем неподалеку образовалось вдруг такое махровое Средневековье. Впрочем, он видел в жизни немало странных вещей, все они были сообразны логике, пусть и не такой, как у остальных. А бункер в условиях полной изоляции мог превратиться вообще черт знает во что! Человек же, сидящий перед ним, казался вполне разумным. Его лихорадило, он сильно простыл, и теперь пил горячий чай из жестяной кружки, морщась от непривычного вкуса.

– Ладно, оставим пока в покое ваше государственное устройство, и почуднее видали... Ты еще раз Расскажи, что у вас на продажу есть?

Человек пришел три дня назад, назвался Сергеем Мухиным, и до новой информации пришлось подождать некоторое время, пока врач не привел его в чувство. Сказались переохлаждение и сильная усталость. Температура не спадала до сих пор, но говорить Сергей мог, хоть и сильно кашлял. Документов у него никаких не нашли, химзащиту рассмотрели очень внимательно, и определили как новенькую, практически не использованную, но слежавшуюся, будто на складе. А вот противогаз явно был в употреблении, хоть и с недавно смененным фильтром. И фильтров этих в мешке обнаружился такой запас, что народ долго удивлялся, откуда этот сталкер набрал столько и главное, зачем? Грязь на ОЗК и ботинках оказалась не городской, как определил один из местных – болотная торфяная жижа и сосновые иголки. Может, и в городе этой дряни насобирали на себя, кто знает, где этот Сергей Мухин путешествовал? Но рассказ самого сталкера подтвердил догадки: пришел он издалека. Рассказал историю о городе Жуковском, о бункере, в котором люди живут припеваючи, где защитных комплектов полные склады. Только вот не очень верилось Михаилу Поповкину в эту сказку, хоть логике она пока не противоречила.

Разве в городе, который битком набит секретными предприятиями, не мог существовать бункер? Мог. Аэродром, о котором рассказывал пришелец, был в свое время знаменитым местом – про авиасалон «МАКС» вспоминалось сразу, даже те, кто там никогда не бывал, хоть что-то слышали о нем. От аэродрома мысль Поповкина сразу перепрыгнула в другое русло: не сохранилось ли там чего полезного? И не пригодится ли бауманским умельцам? Впрочем, и химзащита интересовала Альянс не в последнюю очередь. Но из рассказа сталкера Мухина непонятно было, настроены ли обитатели бункера продавать свои богатства. Он путался в показаниях, и единственное, что поведал четко и внятно, это как добраться до бункера. А вот что ждет внутри, если бауманцы все же отправят караван за сорок километров от Москвы, оставалось пока непонятным.

Руководство Альянса информацию приняло скептически и караван отправлять отказалось, но идея разведки витала в воздухе: неплохо бы организовать экспедицию и посмотреть,

насколько правдив рассказ путешественника. Правда, свои собственные силы Бауманка на эту авантюру жертвовать не планировала. Наемники в конечном итоге обойдутся дешевле, да и пропадут – не так жалко. Одного-двух представителей станции среди разведчиков будет достаточно, а остальной расходный материал можно набрать довольно быстро. Собственно, уже набралось, и даже с избытком. Вот теперь Поповкин и раздумывал, сколько людей потребуется, чтобы добраться до бункера?

Сюда «гонец» дошел в одиночку, но, как говорили знающие люди, это не феномен: иногда многочисленность отряда только во вред делу. С другой стороны, двоих-троих тоже не пошлешь – кто-то должен и груз нести, поэтому придется рассчитать все точно. Так что пока уполномоченный представитель задавал Мухину уточняющие вопросы, чтобы сформулировать задачу командиру будущего отряда сталкеров Доронину более предметно.

Командир был выбран из числа доверенных лиц, из своих, хоть и в состав руководства Альянсом не входил – слишком уж прямолинеен. Вот для разведки в сложных условиях – в самый раз, по крайней мере, тут Поповкин был почти на сто процентов уверен: Доронин вернется обратно и предоставит толковый отчет о том, что увидел. И тогда уже можно попробовать отправить караван... Если бункер существует и этот Сергей Мухин ничего не перепутал.

Всё существо противилось такому... облому. Денис еще не знал поражений, привык добиваться своего, старался, как мог, но тут его воля к победе разбилась о неизбежное решение командира: не возьму. Молодой сталкер отказа не принял. Он помнил случаи, когда принятые раз и навсегда решения менялись под влиянием обстоятельств, и надеялся на удачу: а вдруг произойдет что-то непредвиденное? Но оно почему-то не происходило.

Еще очень хотелось поговорить с человеком, пришедшим из бункера, но тот безвылазно находился в госпитале, болел, наверное. Только разок и удалось на него посмотреть, когда он появился на посту Электrozаводской. Вроде с виду обычный сталкер, это и внушало Денису надежду, что удастся повторить тот же подвиг. В конце концов, многие герои, которым приписывали великие дела, оказывались обычными людьми. И даже ничем не выдающимися. Сам себя Денис давно убедил, вот только командир никак не поддавался, да еще и непосредственное начальство отнеслось к заявлению Дениса с большим сомнением. Есаул, как его почему-то называли сталкеры из-за фамилии Казаков, не принял всерьез вопрос Дениса о шансах для местного сталкера пройти сорок километров по неисследованной территории. Лишь пожал плечами в недоумении, буркнув: «Тебе что, больше всех надо?..».

Еще один день прошел зря: дома не сиделось, не лежалось, и аппетит пропал, хоть раньше Денис на него не жаловался. Впрочем, до этого и не было у него такой несбывшейся мечты. Сон не шел – хоть в ночное дежурство на пост просись. Пришлось снова идти к Есаулу и просить поменять его график; начальник странно посмотрел, но разрешил.

Местный глава отряда сталкеров раньше казался чуть ли не первым после бога, но теперь Денис видел, что Казаков даже не второй. Присланный Альянсом командир Доронин приглашал того присутствовать на беседах с наемниками, хоть в этом не было никакой необходимости, чтобы только соблюсти этикет. Есаул слишком ценил свое время, эти расшаркивания были ему не нужны. Все равно решение от него никак не зависело, да и посоветовать не менее опытному командиру нечего. Местные кадры остались не у дел, а раз уж так вышло, не стоило тратить усилия и забивать себе голову проблемами всего Альянса. Для этого есть уполномоченный представитель и Доронин, на которого свалили всю грязную работу. Оставалось только посочувствовать ему.

Для командира ночь тоже проходила без сна: он сидел над старой картой и пытался понять, что теперь находится на месте знакомых городков и поселков, если принять за правду и точку отсчета сбивчивый рассказ пришельца из бункера. Пустоши Люберец... Странно пред-

ставить совершенно ровную поверхность без единого укрытия, а между тем человек по ней прошел и остался жив. Весь опыт, приобретенный за годы работы, противоречил такому решению, но... Время. Время в пути ограничено, и придется решиться на марш-бросок по пересеченной местности, как в добрые старые времена. Жаль только он один и помнит, наверное, как это происходило. С полной нагрузкой, порой и в противогазе, но без общевойскового защитного комплекта. Если двигаться не слишком быстро, то за несколько часов можно добраться до следующей точки.

Железная дорога, как рассказывал Мухин, уцелела на довольно большом протяжении. И что с того? Указательный палец бродил по карте, Валентин Доронин прикладывал и линейку, но все равно не выходило короче, чем указал гость. Недоверие давно уже стало второй натурой командира, проверял он всё, что можно проверить, а особенно то, что выходило на словах гладко и правдоподобно. На бумаге всё хорошо, вот только кругом зверюги бегают, ползают и летают, а сколько на них придется вычесть времени, никаким расчетам неподвластно. Если тут ничего загодя не известно, так хоть людей надо подобрать таких, чьи возможности предсказуемы и просчитаны.

Троих он уже нашел, проводником Мухин пойдет – везучий, чертяка, а вот еще четырех Альянс навязал. При мысли об этом захотелось послать всё к птерам собачьим и засунуть приказ Поповкину в известное место. Четыре тоненькие картонные папки перед ним должны были рассказать об остальных членах группы то, что он узнал бы только при личной встрече. Да, никак не получается пока посмотреть товар лицом...

Доронин открыл первую папку, отколупнул со страницы придавленного таракана и погрузился в чтение.

Денис не помнил, как выглядела поверхность до дня Апокалипсиса, как его называли люди; он и самого дня не помнил. Только иногда во сне вдруг приходили смутные ощущения, что не всегда над ним был бетонный потолок, с годами становившийся все темнее и темнее, а что-то светлое, голубоватое, с белыми пятнами. Иногда оно брызгалось водой, и тогда шуршал полиэтилен, которым мамыны руки заботливо укрывали колясочку для прогулок. А вот мамино лицо он вспомнить не мог. Денис открывал глаза и закрывал их снова, чтобы хоть на несколько секунд еще увидеть тот солнечный свет из сна. И все равно куда чаще видел поверхность такой, какой она стала много лет спустя, когда он начал выходить в составе сталкерской группы. Воспоминания были не из приятных, но Денис не променял бы их ни на какие другие.

Теперь как-то все поблекло, и покоя не будет до тех пор, пока за разведчиками не закроются двери. Даже тогда надолго останется неприятный осадок и ожидание, что впереди еще немало возможностей проявить себя. Только нужно подождать. Да вот беда – ждать Денис не умел совершенно, теперь он уяснил это для себя окончательно. Поскорей бы уж командир увел отряд на неисследованные земли, тогда можно будет мечтать о чем-то другом. А если не мечтать, то и жить не стоило!

Спать по-прежнему не хотелось, хоть бочка с догорающим мазутом приятно согревала бок. Денис опять видел в темноте тоннеля сон наяву: длинную дорогу, бункер, затерянный среди леса, и самого себя с автоматом в руках, отражающего нападение мутантов. Эту картинку представить было легче всего – боевой опыт у него, несмотря на юный возраст, имелся. Оттого и не выходили из головы ложные надежды...

Командир изначально был против того, чтобы брать в отряд осужденных, но руководство настояло. Настаивало так, что от матерной ругани станция дрожала. Субординация победила, пришлось подчиниться приказу, но принять навязанное чужое решение внутренне Доронин все еще не мог. Убеждал себя, что лучше ненадежные и подготовленные, чем надежные, но неопытные. Работать приходилось и с теми и с другими, а вот результаты отличались не сильно.

Ну и... Да пошли они все! Делом надо заниматься, что уж теперь... Отбросить всё второстепенное, а оценивать главное: годен или нет?

«Дело номер...». Солидно звучит, а внутри – сухая дрянь.

Кличка – Нумизмат. Осужден за воровство, причем у своих. Местный сталкер, с Бауманки, тяжело будет Есаулу его видеть. Подозревали, что он часть наверху собранного не сдавал. Есаул сначала поручился, что сталкер честный, да вот только при обыске нашли много интересного. Молчал Нумизмат, так и не рассказал, чего ему не хватало, чтоб у своих воровать. Ничего, этот подойдет.

Глюк. Наркотики продавал. Хорошо бы он их сам не употреблял, но это легко проверяется. Если руки дрожат, получит кандидат пинка хорошего. На поверхности бывал, когда еще Вадимом Першуковым назывался, давно, в общем. Рожа уголовная на фотографии, прямо кирпича просит.

Третий без клички, такому здоровяку кличку давать – жизнь дороже. Еще обидится и по стенке размажет. Контрабанда, беспощинная торговля. Представить такого караванщиком как-то странно, но если его папка с делом тут оказалась, значит, неспроста. Ничего в деле не написано, наверное, решили, что указание роста-веса скажет командиру все, что требуется. А «химза» нужна какого размера? Ладно, то не его проблемы, пусть снабженцы репу чешут...

Последний, Метрополь – кличка дурацкая, – тоже наркоторговец. Что-то там руководство мудрит с подбором «кадров»: таких субъектов могила только и исправит, а тут за выполненное задание свобода обещана. Опять станции отбросами засорять! А вдруг не сдохнет назло всем в экспедиции и вернется?

Словом, не нравилась командиру идея, и сильно не нравилась. Лучше бы он того юнца взял с собой. Молодой, но боевой – рекомендации неплохие, справки-то Валентин уже навел. А вот вероятность успеха операции маловата, поэтому женщин и детей не брать! Не прогулка, чай, увеселительная. Еще за этими урками приглядывать надо, чтоб их птер сожрал, да подавился!..

Глава 2

Особая команда

Жаль, что не дали ознакомиться со всеми претендентами сразу. Перед командиром стояли три человека и семь вещмешков. На экипировку Альянс все-таки разорился, а вот на людях решили сэкономить. Пропади она пропадом, такая экономия! Доронин предпочел бы недосчитаться чего-то нужного для экспедиции, но в людях быть уверенным до конца. А тут за спиной пойдут четыре придурка, вооруженные под завязку, которых еще придется вести к цели, которая им совершенно безразлична, и каждый из этих четверых будет думать, как бы сбежать по дороге, прихватив с собой патронов побольше. Впрочем, в добросовестности Нумизмата командир не сомневался. Значит, три придурка в отряде. Все равно не легче.

Пунктуальный Есаул был удивлен, что Доронин решил собрать стalkerов у выхода зараhee, не видел смысла просиживать целый час в ожидании дрезины с остальными, кто пока еще представлен здесь тощими папками личных дел. Уж одного из них, будь на то его воля, точно не подпустил бы к серьезному заданию. Командир почему-то придерживался другого мнения, и на горячие возражения, что один из стalkerов воровал у своих, повысив голос, грохнул: «Чушь!» Да пусть хоть полстанции украдет, тут нужны другие качества. Их у Илюхи-Нумизмата в достатке. И плевать командиру на все остальное! Он и плюнул тут же, прямо под ноги Есаулу и плюнул. Теперь они старались не встречаться взглядами: разногласий накопилось немало и помимо Илюхи. Доронин уже раз десять заставил перетрясти снаряжение, гонял стalkerов то за саперной лопаткой, то за бинтами в госпиталь. Только проводник Мухин сидел спокойно – командир сразу исключил его из зоны своего пристального внимания. Может быть, не дергал лишний раз только потому, чтоб тот с перепугу маршрут не позабыл. А может, и просто не принимал всерьез, сразу назначил в особо охраняемые объекты. Обитатель бункера для Доронина был некоторым подобием бумажной карты, то есть предметом практически неодушевленным. И Казаков не мог не признать, что командир уже подчинил себе группу, а также всю толпу любопытных, которые не мешали сборам и не давали пока повода разогнать их по рабочим местам.

– Стемнеет скоро, наверное, – недовольно сказал командир. – Что за бредовая идея прямо к выходу привозить? Сейчас выгрузят уставших каторжников каких-нибудь, на марш-бросок готовых, как к расстрелу!

– Еще шесть минут.

Дрезина показалась из тоннеля будто в ответ на требование Доронина. Только слишком широкие шаги и руки, сжатые в кулаки, выдавали, что он все же нервничает. Пристальный взгляд приковал к месту начавших было вылезать арестантов. Казаков только мельком взглянул на бывшего соратника. Тот выглядел не хуже прежнего, также флегматично крутил в пальцах старую монетку, из-за которой и получил прозвище Нумизмат. Ильяс Нарбеков больше в отряде не значился, остался только «штрафбатовец». Если даже он получит свободу, на Бауманской ему места не найдется. Есаул считал, что стalker должен обладать незапятнанной репутацией, иначе престиж профессии не удержать. А вот Доронин на темное прошлое подчиненных внимания не обращал, его больше интересовало настоящее: ни одно движение заключенных, с которых сейчас снимали наручники, не проходило незамеченным. Командир почему-то нахмурился, но пока промолчал, продолжая разглядывать вверенных ему штрафников.

Это, видимо, Глюк: первым среди них оживился и начал разглядывать станцию. Судя по материалам дела, на Электрозаводской раньше не бывал, барыжил где-то на севере; задержан на Белорусской. Первым проявил любопытство, а на платформу сошел последним. Осторожен, даже слишком.

А первым с дрезины слез здоровяк. Ему бояться нечего, лицо открытое, глаза не бегают, даже руку протянул командиру, чтобы поздороваться. Доронин руку пожал, сработается он с таким сталкером. Правда, неизвестно, что у него на уме: спокойно принимает главенство командира, и так же спокойно дезертирует, если сочтет нужным. Но других на сопротивление начальству подбивать не будет.

А вот этот только ищет повода для драки. Не понравился Доронину Метрополь, сразу не понравился. Еще никто и слова поперек не сказал, а он уже на всех волком смотрит. У таких всегда «химза» неудобная и противогаз не по морде, а главная беда – соратники-подлецы да мутанты жизни не дают. И вряд ли командир ошибся. Через десяток километров все жаловаться и ныть начнут, а этот еще наверх не вышел, а уже в уме козни против командира строит. Не подходит.

Ильяс-Нумизмат стоял в сторонке. Казалось, кроме монетки в руке ему ничего не интересно, а особенно – бывший начальник Есаул. Не до вежливости сейчас было Доронину, не до примирения недовольных, время поджимало. Коротко поздоровался:

– Здорово, Илюха. – И указал на снаряжение. – Твое.

Вот и Глюк решился наконец ступить ногами на пол. Если он на поверхности будет так же сомневаться и всё на вкус и цвет пробовать, придется добавить скорости хорошим пинком. Вот в пути точно наплевать на этикет! А подчиненным – не время размышлять над приказами.

Уполномоченный Альянсом Поповкин попросил поставить подпись – «штрафбат» теперь передавался Доронину. Передавался в полное владение, и назад можно не возвращать. Показалось, что такой исход дела был даже более желательным: не зря в чем-то государственным уме вдруг зародилась идея о сталкерах из числа заключенных. Но одного все же придется вернуть, причем немедленно. Вместо того чтобы расписаться, командир указал карандашом на Метрополя:

– Вычеркните этого из списков. Иначе никто никуда не пойдет. Результатов не гарантирую.

Поповкин задохнулся от возмущения, а Казаков одобрительно кивнул. Засунув карандаш обратно в нагрудный карман потрепанного пиджака уполномоченного представителя, Доронин покосился в сторону удивленного и растерянного Глюка. Приятели они, значит, с Метрополем... Тоже весьма сомнительное приобретение, но пока не находилось причин выкинуть и его из группы.

Конечно, промолчать исключенный из отряда бывший наркоторговец не мог и протест выражал нецензурно. Его больше не сдерживали наручники и конвой, поэтому он пошел на командира, а попытавшийся его удержать Ильяс свалился на пол: Глюк не дремал и подножка удалась точно. Толпа любопытных обитателей станции тоже не осталась равнодушной, но помощь Доронину не потребовалась: уклонившись от удара, он впечатал свой кулак в переносицу противника. Тот отлетел к краю платформы через неотгороженную арку, едва не соскользнув на рельсы, попытался встать, но, снова потеряв равновесие, сел и ощупывал лицо. Доронин смотрел на Глюка, будто спрашивая: кто еще сомневается в авторитете командира? Поповкин качал головой – теперь и он не сомневался.

Денис, привыкший к строгому и пунктуальному начальству, еще ни разу не видел, чтобы дисциплина в отряде поддерживалась вот так... Впрочем, ни один отряд сталкеров на его памяти не набирался столь странным способом. Он, конечно, слышал об операциях, в которых использовали заключенных-смертников, но видеть до сих пор не случалось. Самому и в голову не пришло бы послушаться приказа: командир знает, что делает. Или ему просто попадались такие командиры, к которым он чувствовал доверие?

Пока Поповкин, пыхтя и протестуя, вносил поправки в документ, Доронин оглядел семь комплектов снаряжения и шесть человек перед ними. Проблему необходимо было решать

немедленно – экспедиция планировалась не только для разведки, но и, возможно, для товарообмена. А количество человек – восемь штук, считая командира и не считая проводника – не с потолка свалилось, по весу рассчитано.

– Пищухин!

Денис не пошевелился. Даже не понял, зачем сейчас произнесли его фамилию.

– Тут что, целое семейство Пищухиных? К тебе обращаюсь! – Указующий жест командира пояснил слова. Денис ощутил внутри холодок, будто на него не пальцем показывали, а дулом пистолета, но с места все равно не сдвинулся. Предательски дрожали ноги. – Готов? Вчера вроде ты еще не сомневался... Но если струсил, сейчас быстро другого найду.

Он не струсил! Но почему-то сейчас было страшно споткнуться на виду у всей станции. Думалось о какой-то ерунде: откуда командиру известна его фамилия, ведь он ни разу не добрался в разговор с ним до того, чтобы представиться по всей форме, только мямлил невнятно. Наверное, Есаул рекомендовал... Вот он, шанс показать, на что способен!

Сделать шаг вперед удалось, уверенно и непринужденно, как на построении, но на этом душевные силы закончились. Денис оказался перед чужим мешком, глядя на него в недоумении. Мечты стали постепенно таять под напором реальности – мешок выглядел тяжелым. А дорога слишком длинной...

– Три минуты на сборы. Надевай защиту и бегом в тоннель, к выходу! И так время зря пропадает...

Память не сохранила этой спешки, но оказалось, что он, действуя автоматически, сумел правильно нацепить комбинезон, вооружиться и пристроить на себе снаряжение. В полной мере Денис осознал происходящее только наверху, когда командир уже расхаживал перед строем, давая сапогами мягкий снег. Слева в шеренге оказался сталкер Илья, а справа – незнакомый наемник. Представлять их друг другу никто не спешил, Доронин ставил перед собой только боевые задачи. Достаточно было того, что он знал каждого по имени или прозвищу. Себя самого потребовал для краткости называть командиром или Дреддом. На вопрос, всё ли понятно, получил различные варианты ответов: от молчаливого кивка до «ясен пень», обозначил направление и сам задал необходимую скорость передвижения. Проводник Мухин держался рядом с командиром, группа тут же перестроилась в своем порядке, и Денис остался в одиночестве. Сталкер по прозвищу Вирус, назначенный замыкающим, громко топал за спиной, не позволяя отставать. Величие миссии пока не ощущалось, зато на бегу не замерзнешь.

* * *

Зачем он закрыл двери? Тогда это решение принималось осознанно: Главный Привратник помнил, как слышал крики, становившиеся все глуше, и был совершенно спокоен. Но вот о чем он думал в этот момент – забыл. Впоследствии это воспоминание вытеснилось куда-то на задворки сознания, а с годами стерлось полностью. Думал ли он об ограниченных ресурсах, или просто не хотел впускать в убежище какого-то конкретного человека? И было важно захлопнуть дверь перед его носом, а остальные просто оказались не в том месте не в то время? Не помнил. Разве это так важно? Наверное, да, иначе Привратник не пытался бы сейчас восстановить картину двадцатилетней давности. Особенно ярко эти воспоминания стояли перед глазами по вечерам, когда в последний час перед отбоем убавляли освещение. Он оставался в одиночестве, поговорить не с кем, а читать не позволяли уставшие глаза. У него были книги, запрещенные для всех остальных, не из дозволенного списка. Но вот света оказалось мало даже для Главного Привратника. Может, потребовать себе особые условия? Наверняка технически это возможно, иначе он скоро сойдет с ума. Ведь просить Елену сидеть с ним каждый вечер неудобно, у девочки должна быть своя жизнь. Да... Должна быть. Он позаботится об этом.

* * *

Слишком светло! Командир перед выходом раздал светофильтры, но все равно глазам было больно. Снег очень белый, чистый, хоть и подтаявший по весеннему времени. Если бы он еще и сверкал гранями снежинок, никакие затемнения не помогли бы. А вот проводник обошелся без фильтров. «Всё у них там в бункере не по-человечески», – думал Денис, в очередной раз вытаскивая ногу из глубокого сугроба. Внизу под ним была вода, ледяная и противная. Правда, если командир снизит темп и отряд найдет сухую дорогу, а еще лучше – объявят привал, тогда меньше будут замерзать ноги.

– Командир!

Неожиданный окрик сзади заставил оглянуться; сталкер указывал назад, на цепочку их следов, исчезавших в сумерках, а еще дальше двигались какие-то тени. Не так уж велики монстры, преследовавшие отряд, но количество невозможно было разглядеть. Пока Денис насчитал пять. Команды остановиться не последовало. Командир не хотел начинать стрельбу, ведь это значило только созывать еще хищников на свои головы. Пока они не угрожают, пусть бегут по следам. Жаль, конечно, что ни один «ствол» не был снабжен глушителем...

Громкий вой разнесся по окрестностям, командир остановился:

– Далеко не отходить!

Оставив рядом с собой здоровяка без имени и сталкера со снайперской винтовкой, он указал остальным на укрытия по обе стороны дороги. Денис рванул, куда указано, и с удивлением обнаружил под упавшей плитой Вируса. Рык командира был слышен даже на таком отдалении сквозь противогаз:

– Я тебе куда показываю?!

Но Дредд тут же махнул рукой и сосредоточился на противнике. Снайпер что-то говорил ему, вероятно уже сосчитав количество хищников: ночной прицел в сумерках – прибор более точный, чем человеческие глаза.

Лица соседа по укрытию Денис не видел, но тот фыркнул в мембрану противогаза и назвал свою фамилию:

– Сафроненко. А ты Пищухин?

– Пищухин. Денис.

– Видал таких тварей? Ваши они, местные?

Покровительственный тон Денису не понравился. В конце концов, это не первый его бой на поверхности! Просто он немного растерялся, события происходили слишком быстро. Теперь даже начала появляться уверенность в себе – монотонный бег по снегу сжег лишний адреналин, голова прояснилась. Казалось, что только сейчас и началась эта разведывательная экспедиция. Началась здесь, у Электrozаводской. Осталось отогнать стаю мутантов, и можно будет продолжить путь в глубину промзоны.

– Твари-то местные, но мы их не разводим – сами приходят.

– Март сейчас, вот они и носятся с места на место. Опасное время выбрал командир.

«Должно быть, Сафроненко хороший сталкер, если Доронин включил его в отряд», – решил Денис. А про неудачное время он уже слышал от Казакова. Тот считал, что опасностями можно пренебречь, вооружив отряд на такой случай, потому как чуть промедлишь – и сталкеры утонут в грязи, не добравшись даже до МКАД. Денис кивнул, соглашаясь, отвернулся, чтобы не пропустить сигнал к действию. И больше не совершать ошибок.

Нет, собаки не полезут в засаду, устроенную людьми, даже они видят опасное узкое место. Командир оглядывал развалины, искал пути, которыми воспользовался бы сам. Никогда он не считал врага глупее себя, может, поэтому и жив до сих пор. Пришлось, разве что,

внести поправки на четвероногость и меньший размер – при таком противнике ожидать нападения приходилось почти со всех сторон. Значит, разбивать отряд было ошибкой. Темнота накрывала город, поле зрения сужалось, и лучше собрать людей в одну кучу, не прятать их, а укрепить оборону.

– Где Глюк?

Денис завертел головой, но, еще не привыкнув к новым соратникам, не мог различать их в почти одинаковой химзащите. Как командир успел запомнить каждого и распознавать мешковатые фигуры, было для него загадкой. Вокруг проводника и командира собрались только шесть человек, одного не хватало.

– Чтoб ему зад откусили! Ладно, ждать не будем, двигаем вперед...

Очень вероятно, что впереди их не ждало ничего хорошего, но зажатый с двух сторон кучами плит отряд мог выбирать только из двух направлений. Обратно возвращаться командир не пожелал, оглядывался в поисках выгодной позиции с хорошим обзором, и найти такую можно только на возвышенности.

Слушаться командира – это было основным правилом для Дениса, поэтому в голову молодого сталкера и закрались некоторые сомнения: ни разу указания не были такими противоречивыми, Казаков действовал более последовательно. Впрочем, спорить не хотелось. Особенно если вспомнить о методах Доронина-Дредда для поддержания порядка – точный удар командира еще не стерся из памяти. Несмотря на сомнения, Денис двигался плечом к плечу с Ильей-Нумизматом и Сафроненко-Вирусом, прикрывая Мухина. Да и Илью тоже – подрывник в отряде был только один, и терять его в планы не входило.

Боковым зрением он видел мелькающие тени, но стоило развернуться, те исчезали, как не было. Можно подумать, что отряд преследуют галлюцинации. Только вот не бывает у сталкера галлюцинаций, или он не сталкер. Есть шестое и последующие чувства, так его учили. Странное ощущение возникло у Дениса: вроде он, как и раньше, идет в группе ведомым, но почему-то не чувствует себя частью отряда. Будто один остался, хоть люди рядом, только руку протяни... Ну и пусть, сейчас главное не думать, а мутанта поймать на прицел! Но твари пока не попадались.

Командир только раз оглянулся. В отряде по-прежнему наблюдался недобор в одну человеческую единицу. Переживать за Глюка, слишком осторожного для побега, не стоило, догонит, если что. А нет, так и... Мешок его разыскивать придется, время тратить! Впереди вырисовывалась очень подходящая горка, на вершукке которой можно было отразить нападение хоть сотенной стаи, лишь бы боеприпасов хватило. Теперь надо взять высоту, опередив противника. И не считать мутантов идиотами!

Несколько собак бросились наперерез, но автомат Доронина двумя короткими очередями расчистил путь. Перешагивая через одну упокоившуюся в снегу тушку и одну визжащую, люди забрались на холм и заняли круговую оборону.

– Едрена мать...

Накаркал в мыслях: сотня не сотня, а пара десятков тварей беззвучно бродили вокруг, хорошо различимые на белом снегу. Четвероногие, небольшие, но зубастые и прожорливые. Доронин огляделся. Темная полоса железнодорожной насыпи уходила вдаль, в промзону. Туда мутанты за ними не сунутся, если сейчас как следует щелкнуть по носу. Кроме их отряда ничего съедобного в развалинах промышленных предприятий не будет, а вот врагов добавится – и с земли и с воздуха. Только самое безрассудное животное – человек – полезет в такие дебри. Потому что ищет не еду, а приключений себе на...

Откуда-то вынырнула фигура покрупнее собаки и замерла перед кольцом серых стражей, окруживших горку: Глюк нашелся. От стаи отделились пять особей и с громким лаем бросились ему навстречу. Командир, выругавшись, прицелился в самого резвого хищника, надеясь

не промахнуться и не попасть в Глюка. Ну, хоть мешок сам поближе подбежал, уже проще будет.

Выстрел оказался не совсем точным – вместо головы пуля попала в бедро мутанта, но тварь все же выведена из строя. Второго завалил наемник Индеец, а третьего – Пищухин. Молодец, пацан, хоть и не сразу, но включился! Остальные твари притормозили и гавкали издали, вроде просто поздороваться хотели... Глюк не растерялся и рванул вверх на горку на всех четырех конечностях. Так хотелось пнуть его в рожу и отправить обратно, но Доронин сдержался, только рывкнул:

– За каждый патрон, гнида, полной обоймой ответишь! – И сосредоточился на сжимавшемся кольце внизу. Снайпер Кирилл вопросительно глянул на командира, ожидая указаний. Похоже, опытный боец уже вычислил вожака стаи, и оставалось снять его метким выстрелом, внеся смуту в ряды противника.

Вожак не всегда самый крупный, а впереди всей стаи ближе всех к людям и вовсе крутилась мелкая самка. Оставалось вычислить, кому она принадлежит. Все беды от баб! Ну, ладно, не все... Но многие. Вожаку-мутанту, к примеру, его попустительство в отношении дамы стоило жизни: снайпер разнес ему голову, остальные взвыли и бросились на людей. Глюк в попытке оправдаться слишком высунулся вперед, и флегматичный амбал, разворачиваясь в сторону, сшиб его локтем, Пищухин успел подхватить скользящего вниз прямо в пасти хищников бойца и чуть не уронил автомат. Глюк, вместо благодарности грязно выругавшись, скорее на самого себя, чем на спасителя, отступил назад.

Дениса оглушали выстрелы, вой и визг. Еще ни разу не приходилось сдерживать наступление такого количества тварей, подбиравшихся все ближе по красному снегу, по телам, усыпавшим склоны горки. Он уже не думал, просто рефлекторно давил на спусковой крючок, переводил ствол «калашникова» с одной оскаленной морды на следующую за ней, не забывая заменять обойму. В это время даже удавалось различать звук охотничьего карабина Вируса и щелчки СВД. Потом снова – оружие к плечу, и серые морды перед глазами... После второй перезарядки вдруг услышал тишину, поднял автомат, но командир заставил опустить ствол:

– Они ушли.

Не успел Денис отдышаться и осознать, что они отбились, последовала команда:

– Нечего ждать, вперед!. А то еще дождемся кого-нибудь...

* * *

Докладывать и отчитываться перед ними, перед пятеркой Привратников, надоело до чертиков! Он, Алексей, не мальчик на побегушках все-таки, слишком многое в бункере зависит от него. А получается, что какая-то старая ветошь сидит и слушает – нет, прямо-таки глубоко-мысленно внимает – его словам, синхронно кивая. И от наклона седой головы зависит, будет ли принято давно обдуманное бессонными ночами, вымученное и четко просчитанное им решение по экономии электроэнергии, например. Понимали бы чего! Так в старческом полусне и руководят бункером, принимая или отклоняя предложения только по принципу, чего левая пятка захочет...

Алексей с усталым видом прикрыл глаза, пытаясь не выдать себя. Ведь не настолько слепы Привратники, чтобы не увидеть и не почувствовать мощную волну ненависти, а он не настолько хороший актер, чтобы сыграть почтение и уважение. С каждым разом удерживать на лице маску все труднее. Впрочем, и в остальное время характер у него не мягкий, прикидываться абсолютно покладистым не требуется. Главное, не показать, что дали б в руки автомат – и пристрелил бы всех тут на фиг. Этого пока будет достаточно.

Он давно понял, что его место по другую сторону стола. Но Привратников может быть только пять... Кто придумал этот порядок, Алексей уже не помнил, а изменить систему было не в его силах. Значит, придется идти к цели постепенно.

Как бы ни ценило Алексея руководство бункера, исполнитель никогда не станет приближенным ко двору, останется обслуживающим персоналом. Мостик, соединяющий с желанной целью, сделавший его не чужим для Главного Привратника, – Елена. Та, с которой он неразлучен уже двадцать лет – немалый срок.

С самого детства от любимой племянницы Главного Привратника приходилось выслушивать всякую милую чушь: все свои романтические мечты Лена вываливала именно на его бедную голову; он терпел, когда ему пересказывали содержание книги о рыцарях и прекрасных дамах, выдавая это за историческую правду. Теперь, превратившись в девушку, она стала поумнее и спокойнее, разговоры с ней даже начали доставлять какое-то удовольствие. Но проявлять внимание и пугать Елену раньше времени не хотелось, да и сам он к этому пока не был готов. А когда наступит время? В любом случае, он не пропустит момент, когда можно будет намекнуть, что пора бы и замуж... Хватит делать из него подружку, он мужчина все-таки, а его превратили за последнее время в какое-то большое ухо, в которое можно жужжать бесконечно и еще лапшу сверху развешивать! Как не понимала раньше, что он старше на двенадцать лет, так и продолжает пребывать в приятной иллюзии. Но зато благодаря ее болтовне Алексей точно знал, что сердце девушки свободно, осталось постепенно его завоевывать. Информации для того, чтобы эту стратегию спланировать, ему хватит с лихвой. Девчонка капризная, если не влюбится или хоть немного не увлечется им, замуж не пойдет. А придется! Зачем ему Елена? Династический брак? Это немного приблизит его к Привратникам, укрепит положение в обществе. В глазах ее дяди – главы бункера – уже давно создан образ серьезного и надежного молодого человека. В большой степени это было даже правдой, если не вдаваться в мелкие детали. Осталось подвести Главного к логическому выводу, что такой положительный и способный мужчина, как Алексей, может оказаться хорошим будущим родственником. В общем, осталось теперь, как в анекдоте, уговорить Рокфеллера. А Елене просто не оставят выбора, так что первую часть анекдота про девушку можно вообще отбросить за ненужностью...

Глава 3

Медвежуть

Проводник с командиром пока не расходились во мнениях: железная дорога служила ориентиром, вокруг нее на многие километры тянулись разрушенные корпуса предприятий, пустые и неприветливые, как и всё вокруг. Но в промзоне – особенно, потому что нечем поживиться даже монстрам. Заводские столовые опустели в первые дни, больше никакой пищи в округе не осталось.

Путь был прямым и однообразным, только в одном месте командир, сверившись с дозиметром, приказал идти в обход; пришлось лезть по скользким плитам, иногда съезжая назад, рискуя порвать химзащиту о выступающие железные прутья. Ноги как будто онемели, от непривычно большой нагрузки – вот он, дальний-то поход! – и от холода. У Дениса еще оставались силы: удобные лямки рюкзака почти не натирали плечи – кто-то очень хорошо продумал его устройство и правильно расположил в нем груз. Глюк, подгоняемый крупногабаритным молчаливым штрафником, замыкающим отряд, шел медленно, с его стороны постоянно слышалось тихое недовольное бормотание, предположительно в адрес командира. Кого тут еще можно было таким матом крыть?

Глюк явно затаил обиду. Если выражаться цивилизованно, то называлось бы именно так, вот только цивилизация к бывшему наркоторговцу имела весьма отдаленное отношение. Это Доронин понял еще на станции, а теперь лишь утвердился во мнении, но считал, что парень небесполезен в отряде. Злость – она в бою еще пригодится. И тут главное проследить, чтоб ствол оружия был направлен в нужную сторону. Ну, на то он и поставлен командиром над наполовину разбойничьей шайкой, наполовину сталкерской вольницей. И из этого странного набора может получиться хорошая ударная группа. Он скосил глаза на проводника. Интересно, понимает ли Мухин, что разведывательный отряд даже таким малым числом способен нанести урон его родному бункеру? Эх, не удалось разузнать о намерениях у руководства Альянса... Информация была довольно куцей: идти, куда покажут, любыми средствами заставить открыть ворота и проникнуть внутрь. Дальше – по ситуации. Понадеялись на его чутье, и не зря, надо сказать... Опыт у Доронина был, людей он считывал мгновенно, как насквозь видел. И почему-то проводник не казался опасным, он тоже выполнял чей-то приказ. Только вот чей? Кто послал человека пробираться в одиночку через кишасщие мутантами пустоши, зачем? Заранее зная, что метрополитен обитаем, что там выжили люди и сохранились технологии. Неужели такая нехватка в боеприпасах, что человека погнали за сорок верст, и это по прямой, а на деле – намного больше! И самое интересное – тот пошел! Разумнее было послать такой же отряд... Значит, людей в бункере маловато осталось. Или снарядить группу – слишком дорогое удовольствие. Ну-ну... Они б еще почтового голубя отправили!

Белый снег вокруг не был запятнан следами, только проталины у основания стен чернели в темноте. Денис старался ступать на протоптанную впереди идущими дорожку, но идти стало намного труднее. Садист Дредд не давал отдыха. Бег уже давно перешел в быстрый шаг, отряд опасно растянулся, спина Ильи маячила перед глазами размытым серым пятном. Нумизмата-Нарбекова опознать было нетрудно, не один раз ходили с ним на поверхность, и эту походку вразвалочку Денис еще помнил. Здоровяк из бывших заключенных шел позади, тоже ни с кем не спутаешь. Денис ускорил шаг, чтобы рассмотреть остальных. СВД за спиной Кирилла служила хорошим опознавательным знаком, а вот отличать Вируса-Сафроненко от второго наемника он еще не научился, разве что по голосу. На проводнике была «химза» поновее, а командир... Наверное, командиров делают из какого-то особо прочного материала,

потому что признаков усталости Доронин не выказывал. Никаких. Хоть и садист, но сам как из железа сделан, или виду не подает. Глюк опять куда-то подевался. И охота ему по целине нетронутой снег протаптывать! Будто не в разведку, а в обычную ходку отправился. Так далеко в промзону не забирался, наверное, еще ни один бауманский сталкер, поэтому осуждать Глюка Денис не мог: был бы посмелее и менее дисциплинирован – сам первый побежал бы глядеть, что там за покосившимися стенами и обрушенными крышами цехов и складов. Командир осматривал окрестности и, кажется, все-таки решил поискать место для стоянки. Иначе скоро отряд загнется от обезвоживания – холод давно был забыт, и по спине текли струйки пота, а ноги заплетались. Мышцы размякли, и еле вытягивали стопы из неглубокого снега. А уж какая участь досталась «первопроходцам», об этом Денис старался не думать.

– Стой!

Сафроненко упал на колени, картинно изображая целование земли. Под общий хохот еще и завалился на бок, дрыгнув напоследок ногой.

Он устал не меньше остальных, если не больше. Для Валентина Доронина этот марш-бросок был не первым, но командиру всегда во много раз труднее. Потому что он должен не только выбирать безопасный путь, но еще и опасаться нападения со стороны «своих». Нет своих в таком походе. Душой человека завладевает страх, он не доверяет никому, и с самого дна души поднимаются взбаламученные опасностью первобытные инстинкты. Он сам превращался в животное, чтобы слышать этот атавистический зов, который проведет сквозь опасности пути. Но командир при этом обязан хоть немного оставаться человеком. И думать не только о себе, но и о тех, кто вместе с ним преодолевает препятствия, несет на себе необходимую огневую мощь. Без этих людей задание не выполнить, их надо беречь. И бояться. Каждый из них способен выстрелить в спину. Просто от страха или от сознания собственной правоты, если ему покажется, что лучше знает дорогу. Или ему почудится, что командир не прав. У них в руках оружие, и черт знает, каким образом они решат его применить.

В который уже раз оглядев вверенный ему отряд, Доронин убедился в безопасности, по крайней мере, троих: проводника, Пищухина, в котором еще жив дух первооткрывателя новых земель, подавляющий даже самосохранение, и Глюка, ненависть и раздражение которого сосредоточены сейчас на одном конкретном человеке. А ненавидеть двоих он просто не в состоянии, не та душевная организация и уровень интеллекта. Даже нанятые за патроны сталкеры в любой момент могут устроить подлянку, просто покинув отряд. Чего тогда ждать от остальных?

Но он согласился на эти условия. Не потому, что приказ исходил с самого верха, и не потому, что доплата за вредность полагается, – рутина заела. Скучно стало жить на пятом десятке: тоннели шагами измерять да топтаться вокруг станций: шаг вправо, шаг влево. Оглядываться было не на что – если с ним случится такая неприятность умереть, темная берлога в арке на Семеновской быстро обретет нового хозяина. Ходят же другие сталкеры за МКАД, и ему охота поглядеть. А что отряд разношерстный, так это не беда, можно навести порядок. Правда, не все дойдут до цели, но когда они все-то доходили? Чудес не бывает.

То есть, если не он, то кто пошел бы? Мысль грела душу, но и сомнения закрадывались: просто никто больше не согласился. А предлагали кому? Не задумывался. Почему-то идея пойти разведать Жуковский показалась очень привлекательной. И теперь ощущения были как у человека, падающего с двадцатого этажа и пролетающего пятнадцатый: пока всё нормально. Молодежь шутку не поймет, выше второго этажа редко кто поднимался...

За спиной послышались шаги, но не приближающиеся, а наоборот.

– Глюк! Куда собрался?

– Да тут, наверное, свинец есть. Поискать бы, раз уж все равно пришли...

– А ты что, геологом решил заделаться, залежи свинца открыть? Сиди спокойно! – Только покажи этим паразитам, на чем нажиться можно, – враз про усталость забудут. Командир снова

подумал, что следовало с самого начала отказаться от Глюка, ведь все равно слишком предприимчивый парень не дойдет до места. Если сейчас в заводских корпусах не пропадет, Доронин сам его пристрелит! Просто так, для снятия стресса. – Мешок оставь. Свинец он ищет... Сам ты... свинец! Свинья, в смысле. Учти, ждать тебя не буду.

Для поддержания дисциплины следовало, конечно, устроить показательную взбучку, но сил не было. Они еще понадобятся, путь не близкий...

* * *

Железная лестница ходуном ходила под ногами. Дядя запрещал так сильно топать по ней, но когда очень торопишься, то можно! Несколько человек выглянули в коридор на шум. Алексея среди них не видно, может быть, его нет дома? Но он был. Не поворачивая голову от бумаг на столе, проворчал:

– Лен, стучаться надо!

Опять надо! Если еще и тут начнут учить, она быстро захлопнет дверь с той стороны. И кому-то будет очень скучно!

– Лёш, ты ничего про Сергея не слышал? Не нашелся он?

– Очень мне надо про него узнавать... – Алексея мало интересовал пропавший Мухин, но раз мысли девушки так занимает редкое в унылом бункере происшествие, то придется рассказать, что ему известно. А известно немногое. – Говорят, к соседям даже ходили узнавать про него – не нашли. Съел его кто-то, наверное, вот и все дела. Сам виноват, нечего отделяться от группы.

Но не всё было так просто. Следов в обратном направлении сталкеры не обнаружили. Похоже, Мухин просто ушел и вернуться даже не пытался. След вел не в направлении реки и другого поселения, а в сторону совершенно противоположную. Может, увидел что-то интересное или преследовал дичь на ужин? По следам не разобрались, к тому времени как сталкеры поняли, что одного потеряли, их порядком затоптали животные. Быстренько обшарили окрестности, а когда вернулись на следующий день, то не нашли ничего. Тело нигде не лежало, крови не было, только подтаявшие ямки следов ботинок указывали направление. К городу, между прочим... Будь Алексей на его месте, тоже отправился бы в город, запасшись фильтрами и дозиметром, искал бы чего-нибудь ценного. Но зачем идти одному? Опасно...

Лена почему-то за него переживает. Непонятно: хоть в этой «деревне» все друг другу не чужие, но Мухин не первый пропавший. И не последний. Всем когда-нибудь придется умереть. Лучше, конечно, позже, чем раньше...

– Короче, не нашелся твой Мухин.

– Почему это он мой?!

– Потому что ни от кого я столько вопросов про него не слышал, сколько от тебя. И вообще, тебе делать нечего? Тогда отнеси дяде кое-что...

Он вручил ей два листа расчетов и задумчиво уставился в остальные бумаги. Елена попыталась разобраться в цифрах, может, даже спросить о чем-нибудь... Скучно-то было ей, а не Алексею. А спрашивать тут надо начинать с того, что такое киловатты, поэтому пришлось уйти, так и не найдя себе развлечения.

Алексей подождал, когда затихнут шаги на скрипучей лестнице, и встал из-за стола.

– Ксюш, вылезай, она ушла! – Но бесформенный ком одеяла на кровати не двигался, только дрожал и хихикал. – Оксана!

Пришлось сдернуть одеяло самому. Девушке было жарко в одежде под толстым шерстяным пледом, хорошо, что Ленку удалось выпроводить быстро. Можно было и не прятать любовницу, ведь ничего предосудительного в ее присутствии в комнате нет, подумаешь, зашла поведать. Но сработала привычка: не давать лишней информации. Обошлось. И вряд ли Лена

вернется в ближайшее время... Больше прятаться было и не от кого – люди любопытны, но закроют глаза на его личные дела. Теперь многое можно себе позволить, но все же не столько, сколько доступно Привратнику. Для того чтобы получить больше, ему нужна Елена, так что ей лучше оставаться в неведении. Алексей никому ничего не обещал. А если он нравится Оксане, так что же теперь, краснеть и сопротивляться, прикрываясь обетом верности Елене? От жизни надо взять всё, что она преподносит, особенно если это что-то приятное.

* * *

– Где этот собиратель цветмета и проблем на свою задницу?!

Глюк уже был мысленно вычеркнут командиром из списка живых и поднадзорных, но вот в списке умерших пока не проявился, и, судя по жуткому крику и скорости приближения к отряду, казался вполне бодрым. Кирилл поднял винтовку и навел прицел на остатки складов. Разглядев что-то, пока еще не видимое остальным, прижал приклад к плечу и оглянулся в ожидании команды. Доронин обматерил бинокль и темноту, но кроме движения серого на сером ничего не увидел. Впрочем, размеры этого серого были немалые, и, сочтя Глюковы вопли достаточно убедительным сигналом об опасности, он отдал приказ занять оборону. Опытные бойцы не спрашивали, что делать. Здоровяк пристроил пулемет Калашникова на поваленном столбе и заряжал короб с лентой. Еще лучше – драпать отсюда, потому что Глюк, врезавшись в середину группы, на этом не остановился, а попытался чесануть дальше. И даже расчехленный пулемет не произвел на него никакого впечатления – пришлось сунуть головой в сугроб, чтоб успокоился. Доронин включил фонарь. Неподалеку засияли отраженным светом глаза такой величины, что захотелось бежать без оглядки.

Когда луч выхватил из темноты прижавшегося к земле монстра, Денис ощутил слабость в коленках, но присутствие остальных добавило храбрости. В конце концов, людей много, а тварь одна. Да и не такая уж она большая оказалась, просто выпученные глаза выглядели жутко. Монстр покачивался на косолапых ногах, будто в нерешительности: нападать или нет? Количество противников его смущало – преследовал-то одного, а тут целая орава собралась. Потянув носом воздух, зверь вдруг встал на задние лапы, и по окрестностям разнеслось оглушительное рычание. В ответ раздался сухой треск выстрела. Кирилл не промахнулся, но пуля скользнула по черепу, не причинив твари особого вреда. Казалось даже, что пуля отскочила рикошетом от непробиваемой башки. И все же Доронин успел увидеть на мгновение белое пятно кости в ране, красные струйки потекли по шерсти, а животное трянуло головой – удар был силен.

– Стреляй! – Передние лапы снова опустились на снег, и монстр бросился в атаку, но не на отряд, а на снайпера. Да так стремительно, что пули взбили фонтанчики уже позади него. Еще один щелкающий выстрел, такой же безрезультатный, как первый. Было видно только, как гигантская мохнатая тварь с рычанием валяет по снегу человеческое тело, раздирая его когтями, ворча от боли и злости. Пулеметная очередь в бок опрокинула тварь, но не убила – монстр еще пытался встать на ноги.

– Не тратить патроны! – Доронин остановил бойцов, которые рвались добивать поверженного противника. – Может, «калаш» ему даже шкуру не пробьет.

Ну, автомат-то его не возьмет, а вот пулемет оказался эффективнее: еще несколько пуль успокоили монстра окончательно. Командир подошел ближе, держа в одной руке фонарь, а в другой «макаров». Уж девятимиллиметровая пуля в глаз точно смертельна – на таком расстоянии не промахнешься.

– Кирилл... Что ж ты? В темноте и ствола не видать, но без прицела почти попал. Почти...

СВД валялась неподалеку, а Кирилла не было видно под серой меховой горой. Нечего и надеяться найти что-то, кроме обезображенного трупа. Услышав шаги, Доронин оглянулся. Пищухин.

– Винтовку подбери. Почистишь и возьмешь на хранение. Держал когда-нибудь такую штуку?

Денис покачал головой, разглядывая куски комбинезона на снегу и перчатку, едва заметную под когтистой лапой.

– Завалили! Ну и зверь!

Кажется, Глюк в себя пришел. Командир несколько раз вдохнул и выдохнул, чтоб не убить гаденыша на месте, и медленно направился к отряду.

– Завалил, хрен лысый, из пулемета завалил!

– Не хрен, а просто – Лысый. – Здоровяк свернул чехол, а пулемет положил на плечо: мало ли какие еще мутанты тут водятся? Глюк хотел еще что-то сказать, но от удара в живот согнулся и сел на снег. Чувствуя, что подступает тошнота, сорвал с лица противогаз, немного отдышался и пискнул:

– За что?

– За то, что на отряд мутанта навел. Лучше б он тебя там сожрал по-тихому. Или ты побежал бы в другую сторону! Кто теперь снайпера заменит?!

– Дайте мне СВД, мне раньше приходилось... – неузнаваемым тихим голосом произнес Глюк. Доронин сначала не мог поверить, но парню было стыдно. Это хорошо. А винтовку он не получит, много чести для такого паразита! Черт, время уходит! Но если просто оставить тут Кирилла, как ненужную вещь... Бойцы не поймут. Да и монстра надо бы рассмотреть, пригодится на будущее.

Мутант был похож на медведя, а выпученные, как у лемура, глаза делали его морду совершенно жуткой, будто клыков было мало, чтобы испугать. И хвост длинноват. В остальном, особенно в косолапости и манере нападать, явно проглядывал уже известный науке хищник. Только серый почему-то, как гризли, да размером побольше белого медведя будет. Сколько тут таких может бродить? Вряд ли много еще попадется. И что ему зимой не спится? Наверное, весну уже почуял, вылез. Если вообще спал, черт их разберет, медведей постыжерных...

– Медвежуть! – Сафроненко разглядывал неуместные на длинной морде выпуклые глаза, наверное, хищник тоже привык обходиться без света.

Чтобы сдвинуть тушу, пришлось приложить усилия половины отряда – килограммов под пятьсот этот косолапый весил. Доронин поднял мешок Кирилла, нужно будет распределить груз среди оставшихся.

Денис оттирал со ствола винтовки кровь, стараясь не думать о погибшем снайпере. Он совсем не знал его, не успел узнать. Не первый человек погиб у него на глазах, но привыкнуть к этому, казалось, невозможно. Интересно, только он один думает об этом, для остальных смерть в отряде – скучная обыденность? Или нет? СВД выглядела чистой, но, просунув палец в скобу, Денис опять заметил кровь. Оружие теперь придется нести ему, сможет ли он им воспользоваться? Надо вспомнить, как Кирилл держал винтовку. Такому оружию нужен упор, с рук не постреляешь, не автомат... И надо будет потом, в спокойной обстановке, разобрать ее и проверить: все-таки, что в лапах мутанта побывала, могла и испортиться.

– Пищухин! Иди сюда. – Денис подошел, забрал протянутую ему флягу с водой и патроны к винтовке. – Тебя не перегружаю, ты и так оружие тащишь. Всё, вперед!

Денис оглянулся. Тело уже забросали снегом, прихлопнув для уплотнения саперными лопатками. Понятно, что в мерзлой земле могилу не вырыть и на станцию с трупом не вернуться. Но не по-человечески это!

– Командир... – он не знал, как донести мысль до Доронина, но тот и так его понял. Покачал головой.

Доронин всех этих сентиментальностей не признавал. Живые его интересовали больше, и времени потеряно слишком много. Он рассчитал время в пути с запасом, но этот запас им понадобится около бункера. Трудно будет войти внутрь, вероятно, придется на день укрытие поискать. И думать об этом следовало уже сейчас. Еще там, на станции, он немало времени просидел над картой вместе с проводником, пытался представить реальную картину Подмосковья. Ему даже снилось, как он идет по этому снегу. Во сне не было так холодно, но в остальном ощущения мало отличались. Если еще объяснять очевидное всякому чувствительному юнцу, отряд придет к бункеру аккуратно под утро, и неизвестно, чем кончится дело.

– Еще раз повторю для особо одаренных: вперед. Поскольку ворот бункера я тут не вижу, значит, к конечной точке мы пока не пришли.

Сначала медленно, потом постепенно увеличив скорость, командир побежал, разбрасывая снег. Проводник оглянулся и последовал за ним. Денис мысленно попрощался с Кириллом. Винтовка мешала на бегу, но спросить, как поудобнее ее закрепить, теперь не у кого.

Снова путь пересекали собачьи следы, но самих обитателей развалин пока не было видно. Пейзаж вокруг изменился: больше не попадалось ни одного уцелевшего здания, кирпичные стены превратились в крошку, а бетонные плиты разбросаны на несколько метров – в этой части промзоны не угадывалось даже очертаний строений. Глюк больше не покидал отряд. Казалось, что не от страха, встреча с медведем не оставила следа в его бунтарском поведении, а от того, что искать тут было нечего, если и найдется – в темноте светиться будет. Дозиметр показывал повышение фона, но командир пока не видел повода для паники. Впереди была только непроглядная темнота, луна скрылась. Денис представлял, как со стороны выглядят их отряд: шумная компания, топающая ногами, бежит куда-то, огибая кучи строительного мусора, не скрываясь и светя фонарем во все стороны. Если никто на них до сих пор не нападал, то только потому, что удивлялся наглости чужака. Сумасшедшие какие-то, ну их, связываться неохота. Хотелось думать так, а не о том, что радиационный фон убивал всё живое в округе.

Снег заметно потемнел, может быть, поэтому ночь казалась еще чернее? Командир с проводником о чем-то переговаривались, но разобрать слова на таком расстоянии было невозможно. Денис не знал, сколько километров осталось позади и сколько еще до цели, но он видел примерный путь на карте и знал, сколько времени потребуется на дорогу. Детали же известны только командиру. Ночь в пути! Всего-навсего! На станции это выглядело пустяком, но теперь часы показались днями. События то происходили слишком быстро, – не успевал и опомниться, как уже потеряли одного, – то вдруг время останавливалось, и Денис просто бежал, не считая шагов и минут. Голова отключалась, оставалось лишь ощущение усталости и бессмысленности всей затеи. Впереди маячила спина Глюка, он оглядывался по сторонам, насторожившись. Это же чувство преследовало и Дениса: тут что-то не так. Не так, как всегда.

Наконец, он понял – отряд вышел на открытое место. Больше не осталось ни стен, ни даже железнодорожной насыпи, указывающей путь лучше всякого проводника и карты. Звуки изменились, не отражаясь от препятствий, шаги звучали совершенно по-другому. И под ногами не было снега, только черная корка, покрытая белесыми разводами, совершенно не похожая на асфальт. Луна пятнышком просвечивала сквозь облака, но привыкшим к темноте тоннелей глазам этого оказалось достаточно, поэтому командир выключил фонарь. Пустота впереди не исчезала, не была галлюцинацией. Насколько хватало обзора, простиралась ровная поверхность, светлые пятна на ней меняли форму, как живые: ветер гонял пепел по оплавленному черному камню. Что бы тут ни взорвалось двадцать лет назад, эпицентр был где-то недалеко.

Ни одной неровности, ни одного укрытия! И тут Лысый снял пулемет с плеча и со стуком положил перед собой:

– Я туда не пойду!

Глава 4

Через пустошь к людям

– Нет, Борис Владленович, это совершенно невозможно. Свет включается для всех одинаково, если только где-то найдется более мощная лампочка. Но вы сами понимаете, режим экономии. Запрет на мощность более двадцати пяти ватт – ваше собственное распоряжение. Или Сергея Петровича, уж не помню.

Привратник ни в чем не знает отказа, но как приятно было с умным видом разъяснить ему про плановые понижения нагрузок в сети в ночное время и полную неосуществимость того, что он просит. Мелочь, а душу греет. Если бы Алексей каждый вечер оставался в полутьме наедине с собой и такими воспоминаниями... Будь у него совесть, точно с ума сошел бы. А что, это мысль: довести Главного Привратника до состояния недееспособности! К сожалению, у старика крепкие нервы.

Он знал, чего хочет. Власть Привратников уже беспредельна, критическая масса накопилась, через край переливается. Пора ей поделиться. Никто добровольно с этой верхушки не прыгнет, падать высоко. Алексей понимал, что может всего добиться постепенно, к нему относятся всерьез, как к преемнику, делятся информацией, он уже допущен к высшему кругу. Но пока ему позволено только подглядывать в замочную скважину. Они показали, что он может получить, если... Нет, такую власть не передают. Ее можно только взять. И намного быстрее, чем это произойдет естественным путем.

Главный Привратник сам показал ему путь. Алексей навсегда запомнил тот день двадцать лет назад: бледное сосредоточенное лицо мужчины, поворачивающего запирающее устройство гермозатвора. Безмолвствующих людей внутри и воющих от ужаса – снаружи. Один человек принял решение. Когда ворота были заперты и стук по толстой металлической двери стал напоминать мышиное поскребывание, человек повернулся и сказал:

– Мы в безопасности.

Да, они действительно были в безопасности... Борис Владленович им это обеспечил. И никто не возразил, потому что не хотел оказаться снаружи. Правда, и аплодисментов будущий Главный не дождался. Двенадцатилетний мальчик Алеша был слишком напуган, чтобы спросить: а как же остальные? Огляделся вокруг, понял, что взрослые не возражают, и согласился с ними. Сомнения пришли позже. Но к тому времени он уже научился держать свое мнение при себе.

Никто в бункере не остался без дела. Малое число выживших могло не опасаться голода, но людей не хватало. К счастью, нашлись специалисты, наладившие вентиляцию, водопровод и освещение. Здесь было тепло зимой, фильтры исправно очищали воздух и воду. Хватало медикаментов. Но никто не смог вылечить сестру Бориса Владленовича. Для подростка нашлось занятие – присматривать за ее дочерью, Леной. Маленький ребенок не давал покоя, но приходилось проводить с ней целые дни, пока дядя занимался делами. Тогда только стало понятно, кого спасал Главный Привратник, о ком он сказал «мы в безопасности». Да, вначале «они» были в безопасности, он и его семья, только о них он и думал тогда. Урок Алексей усвоил – спасай своих. Если таковых нет – себя. Любой ценой. Никто другой об этом не позаботится.

* * *

Доронину показалось, что это он в противогазе плохо расслышал слова, но здоровяк уже снимал и мешок. Лысый на самом деле не собирался идти дальше. Страх ли в этом виноват, или просто ему захотелось цену себе набить, командир пока не понял, настолько был не готов к

такому повороту событий. В голове крутились пока самые прозаичные мысли: если груз амбала распределить по отряду, пожалуй, они его не унесут. А заставить изменить решение этого будет сложнее, чем мелкокалиберного Глюка по снегу повалить.

И потому, пока сталкер еще путался в лямках рюкзака, Доронин направил ему в голову ПМ. Терять нечего: утрата основной тягловой силы означала практически провал операции, и командиру было все равно, в каком виде Лысый покинет отряд, живым или мертвым. Буквально затылком он ощутил, что за спиной собрались несколько человек. Конечно же, Пищухин. Ильяс. И мстительный Глюк, верно определивший, на чьей стороне сейчас сила.

– Или ты идешь вперед, или останешься здесь. На принятие решения даю тебе минуту.

Рука Дредда не дрожала. Не составляло проблемы удерживать пистолет на весу в течение шестидесяти секунд.

Денис пытался подавать знаки Лысому: отступись, командир знает, что делает! Но в темноте за спиной здоровяка до самого горизонта, не очень-то далекого, просматривалась голая равнина. Как тарелка, на которую им предстояло самим забраться. Отряд открыт для любого нападения, никакая круговая оборона не спасет при атаке с воздуха, некуда убежать, негде укрыться или окопаться. Только черный камень под ногами, поблескивающий в мутном свете луны и командирского фонаря, как стекло. Луч от него не слепил глаза Лысому, светил вниз.

Бежали секунды. Денис не верил, что командир способен выстрелить, но понимал, что такое вполне возможно! Потерять рядового в бою тяжело, но вот убить его собственноручно... Поэтому отряд собран из чужаков, и чужой его возглавляет, чтобы не жалеть никого и думать только о цели. А цель сейчас поставлена под угрозу. Под сомнение. И авторитет командира тоже, об этом Доронин заботится не в последнюю очередь.

– Я боюсь. Там вообще стен нет! – Сталкер, кажется, не хотел умирать, но решимость продолжать путь еще не появилась. Он сомневался. Страх был слишком силен, так быстро не принять решения.

– От агорафобии еще никто не умирал, а вот от пуль – очень многие. Секунд двадцать у тебя еще есть.

– Я слишком большой, любой мутант с крыльями меня заметит!

– Ты еще скажи, что самый вкусный! – усмехнулся командир. – А мы что, несъедобные, что ли? Вот рядом с тобой Мухин стоит – он один этот путь прошел. Один! И не боялся.

Судя по лицу проводника, он боялся, и еще как! Но что-то заставило его преодолеть опасное место. Интересно, что? Об этом Денис еще не задумывался.

– И что, значит, Мухин сильнее тебя? Получается, что так.

На «слабо» возьмешь не каждого, флегматичный Лысый мог и не поддаться. Для него это просто информация к размышлению. Думал сталкер медленно, поэтому пришлось забыть о времени. Доронин просто держал пистолет на уровне его головы, чтобы поторопить мыслительный процесс.

Страшно умирать, наверное. Но страх появляется только перед самым концом, когда понимаешь его неизбежность. А если ужас прорастает в душе заранее, когда еще ничего и не случилось, есть только два пути: жить с этим страхом и умереть с ним или преодолеть его, а там – как кривая вывезет! Сталкер решил положиться на удачу, потому что подобрал пулемет, ощутив в руках его весомую боевую мощь, и закинул на плечо.

– Все равно, жуткое место. Мурашки бегут.

– Кто бы спорил? Но кто боится, со станции не выходит. А если вышел, то бояться поздно.

Несколько осторожных шагов по гладкому камню, и отряд привычно выстроился цепочкой. Но в небо каждый стал поглядывать чаще, не надеясь на бдительность остальных. Доронин, пропустив всех вперед, пересчитал оставшихся и пошел последним. Сил на бег уже не

было, но бойцы постепенно прибавили скорости – хотелось скорее пересечь опасное место, даже подгонять не пришлось.

Денис видел последствия взрывов: оплавленные ямы, разрушенные высотные дома, куски которых разлетались на сотню метров, вдавленные в стены автомобили. Но даже не представлял такой воронки, которая бы непонятно где начиналась и заканчивалась. Одно ясно: ее край они уже давно прошли и не заметили. Показания счетчика Гейгера вызвали у командира недожество, но не превышали критических. Видно, при кратковременном пребывании здесь не опаснее для жизни, чем в других местах. Но вот на индикатор отравляющих веществ Дредд хмурился всерьез, да и сам вид безжизненного пространства, так за два десятилетия и не освоенного ни единой травинкой, убеждал лучше всяких приборов: здесь смерть. Придется полагаться на герметичность костюма и противогазный фильтр. Каждый вдох казался ядовитым, каждую секунду сомнения в надежности старой «химзы» крепили. Слова Дредда о том, что проводник прошел здесь и остался жив, немного успокаивали, Денис снова мог дышать. Так у проводника-то «химза» новая! И опять свистело в груди, спазм перехватывал горло от страха: а вдруг сейчас внутрь попадет яд?!

Даже снега не было под ногами: черная гладкая равнина нагревалась в течение дня, и сейчас ощущалось остаточное тепло снизу, а может быть, так лишь казалось. Командир остановился, поднес к камню руку в перчатке и не ощутил ледяного холода. Что-то серое шевелилось на камнях, ветер завывал пыль в странные фигуры, раскладывал неведомые письма на черном фоне. Тьфу, черт! Придет же в голову! С кем поведешься, от того и наберешься. Половина отряда глазела по сторонам, только здоровяк да Глюк деловито перебирали ногами, не оглядываясь, так хотелось им поскорее оказаться подальше от этого места. Привал, что ли, объявить для хохмы? Нет, отравленное место тут, и раньше фонило что-то, а уж теперь высокотоксичную отраву разнесло на километры. Вот бы поглядеть, что от Капотни осталось... Тоже, наверное, ракета мимо не пролетела... Что-то хрустело под подошвами, стекловидные крупинки стали попадаться чаще. Видно, это они со временем и превратились в пыль. Счетчик не зашкаливает. И что же тут горело при таких температурах, если камень спекся в стекло? До Дзержинского четыре километра, не больше, там вообще вся отравка из таблицы Менделеева собрана была. С землей сровняли, разбомбили начисто... Черт с ним, сейчас его больше другой городок интересует, который хоть частично уцелел, судя по вполне живому гонцу оттуда. Времени осталось очень немного, а еще полпути не прошли.

Доронин позвал к себе Мухина:

– Ты ведь понимаешь, что если наврали или ловушку задумал, тебе первому башку открывать? Лично постараюсь.

Проводник утвердительно потряс головой. Похоже, радовался, что командир страшит, но идет к бункеру. А чего радоваться? Даже если в ловушку заведет, прибыль будет сомнительной. Ну, боеприпасов они несут немного. Отряд легко не сдастся, половина в бою поляжет, и бункер потери понесет. В рабство продадут? Так они и в метрополитене не очень в работе усердствовали, как раз тот случай: не умеешь делать ничего – сталкером будешь! Руководство Альянса дало четкие указания на случай провала миссии: взорвать весь груз, чтобы врагу не достался. Чтобы не повадно было других заманивать, пусть знают! Ильяс на этот счет получил четкие указания, взрывчатка предназначена только для ворот бункера или для группы. Приказ – от Доронина, без лишних промежуточных обсуждений, остальные и знать не будут. На эти условия подрывник сразу согласился, одобрительно кивнул и сказал, что сам рассуждал примерно так же. И, кажется, не врет Нумизмат, честный парень, что бы о нем ни говорили.

Под ногами всё еще неприятно хрустело, и это вдобавок к звонкому стуку обуви по камню. Только чечетку здесь плясать! Хорошо, что нет никого вокруг, в другом месте на такой

грохот, как от парадного марша, уже целый зверинец сбежался бы. Это какая же гадость должна быть в воздухе, что ни одна тварь не адаптировалась? Но поглядывать в небо командир не забывал, разделяя в полной мере опасения Лысого: на этой тарелке отряд издалека видно.

– Командир! – Сразу двое, Вирус с Индейцем, заметили впереди полосу растительности – невысокие сухие заросли вроде верблюжьей колючки. Первые признаки жизни на пустой равнине. Как бы теперь вслед за флорой и фауна не появилась!

– Вижу! Плотнее собраться, оружие наготове держать!

На лице Лысого выступила какая-то сыпь, дышал он с трудом, но видимых повреждений в химзащите Доронин не обнаружил.

– Это у него нервное! – не удержался Сафроненко.

– Надеюсь, что ты прав, – Командиру было не до шуток – ни одного антидота к отравляющим веществам в его аптечке не было, единственное, что годилось на подобный случай, это давно протухшее средство от аллергии. Поразмыслив, Доронин решил, что еще больше навредит бойцу, а так, глядишь, и сам оклемается. Или умрет. И тогда лучше бы позже, чем раньше. – Идти можешь?

– Могу, – голос сталкера стал хриплым, это было слышно даже через мембрану противогаса. Ноги пока работали исправно, да и идти, если верить проводнику, было уже недалеко, километра полтора. По меркам города – огромное расстояние, но здесь почему-то хотелось шагать дальше, пусть и в неизвестность. Доронин оглянулся на черную пустошь. Пыльные завихрения улеглись после очередного порыва ветра, снова показалось, что можно было бы найти неведомый смысл в этих знаках.

* * *

Книга лежала на тумбочке, там, где ее оставила Елена, хотя закладка сегодня переместилась еще ближе к задней стороне обложки. Почему-то старику казалось, что это имеет символическое значение: так и жизнь проходит, прочитанная до последней строчки. Ночь не приносила с собой покоя и отдыха, одни только тяжелые мысли. Бункер давно превратился в стоячее болото, и в немалой степени – его стараниями. Зато он сумел отладить этот механизм, как часы, каждый винтик был на своем месте. И эти часы отсчитывали постоянное и неизменное «сегодня». Завтрашний день для обитателей убежища ничем не отличался от прошедшего, и дальше будет то же самое. Такая стабильность многим греет душу, но молодежи становится тесно. Спасает то, что молодых в бункере очень мало, и прогресс еще не полез из всех щелей, а те, кто уже не молод, рассуждают: не было бы хуже... Не будет. По крайней мере, в ближайшее время не предвидится, если не произойдет какой-нибудь техногенной неожиданности. Бункер врос в землю неприступной цитаделью, и на всех его трех этажах воцарился покой. Только Главный Привратник не спал и думал, но не о своей собственной жизни, а о будущем единственного родного человека.

Угроза извне была постоянной, привычной, немногочисленные поселения людей не хотели жить в мире, но хотя бы знали друг о друге. Бункер не приобрел союзников. Редкие набеги конкурентов на территорию аэродрома в прошлом заканчивались вооруженными столкновениями, а теперь – лишь рукопашной схваткой. Не так уж бесценны самолетные детали, чтобы тратить считанные у обеих сторон боеприпасы и еще более считанные жизни. Да и поселение варварское, живут в самолетных капонирах у реки. Зато с электричеством проблем не знают, даже пытались наладить его продажу бункеру, но цену запросили непомерную. Может быть, потом и придется задуматься о налаживании торговых связей, но сейчас бункер не испытывал острой нужды почти ни в чем. Вот только все винты у старых самолетов соседи спилили на взрывчатку с алюминием! Хорошо, что ворота не подорвали – взрывы долго гремели у реки,

а потом разведчики донесли, что там строят плотину. Это поселение было ближайшим к бункеру и единственным известным ему, хоть изначально убежищ и было три, по числу предприятий. В одном из них заклинило гермоворота, люди оттуда просили впустить их, но к тому времени Привратник уже обзавелся сторонниками, Совет набрал силу, и было принято решение не пускать никого. А вот третий бункер открыл двери для вынужденных переселенцев.

Когда местные жители решились высунуться наружу из убежища, за чужим гермозатвором не наблюдалось признаков жизни. Только через год удалось взломать вход, найдя тысячи тел людей, умерших естественной смертью. Перенаселенность, наверное, привела к эпидемии, погубившей всех, а что произошло на самом деле, они так и не узнали.

* * *

– Рельсы! – Глюк обрадовался двум полоскам металла, как родным.

Командир остановился, растирая ноющие мышцы на ногах. Рельсы – это не только направляющая линия, но еще и альтернативный способ передвижения. Значит, не соврал Мухин, пока ни на одной неправде его подловить не удалось. Но полностью Доронин ему поверит только когда вернется на станцию, выполнив все пункты намеченного плана.

Отряд собрался вокруг командира, тот махнул рукой в сторону: местность оглядывайте! Действительно, чего уставились на него, как на икону? Ну, устал человек... Направо или налево? Рельсы где-то тут недалеко обрывались, подойти к дороге они могли с любой стороны, пришлось доставать компас. Направо.

О чем думали люди, вышедшие навстречу отряду, Денис мог легко угадать: шайка бандитская явилась! И если думали именно так, то были правы процентов на сорок. В знак мирных намерений командир поднял автомат на вытянутых руках, но этот символический жест не произвел впечатления на местных: все равно за его спиной семь вооруженных сталкеров, каждый из которых уже выбирал цель. Просто на всякий случай. Доронин продолжал идти – если уж их вышли встречать, значит, люди настроены на деловой контакт, иначе просто затаились бы. Где же они там сидели... Среди этих железных сараев можно батальон припрятать, никто и не догадается.

– Говорят, у вас тут транспорт есть?

– У нас железнодорожные пути есть, – пробубнил через респиратор человек с обветренным лицом. – А транспорт...

– Что не видишь, что ли – мы дрезину с собой в мешке принесли!

– Тихо, не лезь, – остановил командир чересчур развеселившегося Вируса, – Дрезина, конечно, не в мешке, но там есть чем заплатить.

Доронин крепким словом вернул в строй Глюка, начавшего незаметно, бочком, пробираться к сараям. Еще не хватало, чтобы он свой нос в чужие дела совал – тут можно нарваться на неприятности похуже лупоглазого медведя. За железными дверями постройки виднелись оранжевые отсветы костра, и вполне вероятно, что два «железнодорожника» вышли встречать отряд не в полном составе, кто-то и в укрытии остался.

– На вашу ораву могу предложить большую дрезину с ручным приводом. Хоть согреются ребята.

– Нет уж, мы сегодня при деньгах – давай с мотором!

Мужчина почесал макушку, окончательно скособочив респиратор. Глаза у него были красные, больные. Хотелось спросить: и какого хрена ты тут торчишь на ветру рядом с отравленной пустошью?

– Можно и с мотором... – он что-то сказал напарнику, тот побежал к одному из сараев и начал открывать скрипучие ворота. Потом надолго пропал внутри помещения, и через некоторое время послышалось чихание двигателя. Транспортное средство выехало наружу, упершись в сугроб.

Под снегом оказались пути. Рельсы были явно положены вручную и кое-как скреплены со шпалами, дрезина раскачивалась и подпрыгивала на стыках, но на основной путь все же выбралась. Колеса прорезали в снегу глубокие борозды, видно, давно не было случая выкатить ее из гаража. Может, еще с осени... Но у зимней дороги есть свои преимущества: луна светила ярко, и было хорошо видно все вокруг, а летом взгляд наткнулся бы на непроходимую чащу, и птер знает, что в ней скрывается?

– До какой зоны поедете? – спросил человек, беря в руки канистру с топливом. – Сколько наливать?

– А что, много маршрутов? Куда тут ехать-то?

– Ну, не скажите... – ответил он, с садистским удовольствием скрипя железной пробкой – ржавая емкость не желала легко отдавать содержимое. – Бывает, в Быково за авиационным ломом ездят...

– Или в Гжель за расписными матрешками! Наливай нам до Жуковского. – Доронину хотелось уже послать все к чертям, человеческий фактор всегда был самым слабым и непредсказуемым звеном в его планах. Понятно, что всем любопытно поглядеть на отряд и поговорить, но время дорого. А вот показывать этого не стоило. Хотя мужик явно готов был топливо пипеткой в бак накапать, только бы продлить себе развлечение.

– Торопитесь, что ли?

– Да, у меня там встреча важная со шпионом иностранной разведки! Только молчи, а то явку провалишь.

Местный заржал, но продолжал наливать в час по чайной ложке. А может, только так казалось.

– Шпионов не видел, хотя тут всего хватает. Говорят, один чудик паровоз построил. Иногда слышно, как рельсы звенят, и гудок слышится... Далеко где-то.

Сафроненко почувствовал себя в своей стихии:

– А я знаю эту байку. Зовут его Кейси Джонс, он ехал в тумане и с другим поездом столкнулся. С товарняком немного не разъехались, вот и рухнули оба в реку, а потом на том месте новый мост построили, Золотые Ворота называется. И призрак его с тех пор появляется ночью, если машинист дремать начал, да как заорет в ухо: «Не спать!» Только это давно было...

Доронину из всего рассказа больше всего понравился артистически исполненный вопль, предназначенный сонному машинисту, который и в самом деле немного подбодрил аборигена, заставив шевелиться быстрее. Но своей разговорчивости он не потерял:

– Кстати о машинисте... Я с вами поеду, не беспокойтесь.

– Ну, тогда уж точно беспокоиться не о чем. С нами сила! – И будет эта вражья сила всю дорогу по ушам ездить да вопросы задавать... Но не поспоришь, у транспорта есть хозяева, и правила устанавливают они. Можно сколько угодно трясти перед ними бумагами с печатью Бауманского Альянса, это им не указ, цену не убавят. Плевать они хотели на дела метрополитена, им больше нравится у железной дороги сидеть, патроны зарабатывать. «Полковая казна» изрядно похудела. Ну, что ж, рюкзак легче будет...

Глава 5

Копать на Ильича

Денис глядел на скучный подмосковный пейзаж, начиная дремать под мерный рокот движка дрезины, и только опасения свалиться на пол удерживали его от того, чтобы впасть в здоровый сон. Черные ветви деревьев уже сбрасывали с себя снег, но до настоящего тепла было еще очень далеко. Только кое-где появились проталины, и из белых сугробов выглядывали потемневшие печные трубы.

– Смотрю – и жутко становится. Как после войны. – Командир отряда поежился, будто от холода, но до сей поры не было похоже, что он замерзал на ветру. Хотя скорость дрезины создавала неслабый поток встречного ветра, сырого и промозглого. Это ощущалось даже в плотном защитном комбинезоне и теплой одежде.

«Почему – как после войны?» – подумал Денис, но выставлять напоказ собственную неосведомленность не решился, и так по пути успел задать слишком много дурацких вопросов; впрочем, и остальные бойцы тоже. В первый раз он покидал пределы города, такого уютного, если спуститься на несколько метров под землю, и столь же неприветливого на первый взгляд, как и эта черно-белая пустыня, растянувшаяся, насколько хватало обзора, по обе стороны железнодорожных путей.

– Ну, надеюсь, без остановок доедем. Быково бы только проскочить...

Холодный ветер продувал решетчатые стены насквозь, а листы бронезащиты имелись только в задней части дрезины, где сидел командир. Денису досталось место в середине, и теперь он рассматривал сквозь решетку лес, местами подступавший вплотную к насыпи. Зрелище было однообразным, но пока еще не надоело. Ничего не двигалось в лесу, только желтые стволы сосен убежали назад – после моста через маленькую речку скорость прибавили. Прочные стальные прутья над бортами напоминали о том, что в любой момент из леса может выйти нечто живое и опасное. Люди с оружием здесь почти не встречались, поэтому дрезина была открытой, напоминая с виду птичью клетку.

Об этом ли он мечтал, сидя на станции? Транспорт мало отличался от привычного метрополитеновского, разве что был побольше размером. Денису вспомнилась еще одна поездка, во время которой испытывал особое чувство и трепет внутри – в Полис, где он должен был пройти обучение и получить настоящий сталкерский жетон. Это было уже так давно! А еще раньше, в детстве, когда стоял перед входом в туннели, фантазия рисовала там, за темнотой, неведомое. Он даже не знал тогда, что и вообразить... Остальные воспитанники, такие же, как и он, оставшиеся сиротами, не переставали спорить, что скрывается на другом конце бетонной трубы с рельсами. Просто другая станция, говорили им, но мальчики не верили, а проверять никто не позволил – за детьми присматривали основательно, не подпуская даже к блокпостам.

Предвкушение чего-то необычного начало возвращаться постепенно. Отдохнувший от долгого изматывающего бега Денис наконец-то осознал, что едет на дрезине не по тоннелю, а по лесу. И куда везут отряд, не знает даже командир! Вряд ли Доронин этому радовался: нахмуренные брови видно даже сквозь окуляры противогаза, он почти не смотрел по сторонам, был молчалив и задумчив. А Денису уже не сиделось на месте, хотелось поскорее сойти на землю и увидеть совершенно новые места. Пусть бункер! Любая цель сойдет, лишь бы подальше от города, где еще никто не побывал.

Время шло, движок работал исправно. Денис, конечно, ожидал чего-то большего, чем мелькания покосившихся столбов и остатков маленьких домиков под снегом. Мало похоже на город, но все равно... Скучно. Хоть бы мутант опять какой появился. Не напал бы, а просто так, поглядеть. Городских-то он в своем районе знал наперечет, из Лефортово выбегали порой страшные зверюги. А тут... Дремучие места, тридцать километров почти от города отъехали,

а всё тишь да гладь. Раньше, говорят, в лес с одной корзинкой ходили. И с палкой, чтобы змей отгонять. Теперь палкой комаров надо по макушке глушить, если, конечно, не врет водитель дрезины. Впрочем, даже мутировавшие комары по снегу не ползают. «Холодно для комаров, да и для людей не жарко», – подумал Денис, пытаясь найти более удобное положение, чтобы не пробирал до костей ледяной и сырой ветер. Ему было не по себе: скорей бы уж добраться до Жуковского, в который направлялись, где вокруг привычные холмы кирпичей и изломанные бетонные плиты. Лес ему не нравился – чужой какой-то, ненадежный. Дырявый, и просматривается насквозь, нет в нем основательности метрополитена, где все человеком создано, по чертежам построено, а теперь и обжито.

Интересно, чем опасно Быково, которым пугал сопровождающий? Уж каких только историй про дальние походы караванов не наслушался он, сидя в метро, поэтому и напросился в экспедицию до Жуковского. А оказалось... Тоска зеленая. И даже не зеленая, а черно-белая.

Но, видно, запас историй был неисчерпаемым: ни Сафроненко, ни «машинист» не желали уступать друг другу первенство по страшилкам, да и Глюк молча не сидел.

– Быково, это что! Вот Удельную мы проезжаем – там самая жуть! Думаешь, чего мы зимой в дорогу собрались? Чтоб живыми добраться.

– А что было в Удельной? – спросил Денис, позабыв, что верить Сафроненко можно только наполовину. И то с подтверждения остальных, но разыгрывать его они могут сообща, поэтому слушать всерьез на сто процентов нельзя никого.

– У-у-у, там медицинских пиявок держали! А на них мутагены всякие посыпались... Так теперь самое гиблое место там. Тут же почвы-то заболочены, они и разбежались по окрестностям.

Не имея представления о том, что такое пиявка, Денис не испугался, но не тут-то было: Сафроненко решил просветить его, а то на обратном пути уже не получится – впечатления не будет.

– А пиявки – это такая штука: представь себе большой черный шланг. Представил? А на голове присоска. Вот как приложится такая тварюга к человеку, так и не отлипнет, пока всю кровь не высосет! Крови-то пять литров, а дырку он ма-ленькую делает. И любую одежду прокусывает. Нет, не прокусывает – растворяет. А в человека яд особенный запускает, чтоб не больно было, и кровь не сворачивалась. И ничем ее не отдерешь. Раз прикоснулась к тебе пиявка – всё, считай, покойник!

– А они бегают быстро?

– Шланги-то черные? Они ползают. Так и вьется по земле, как змеюка, а уж если с дерева на тебя упадет...

Командир покачал головой. На станции и в городе все бойцы вроде нормальными были, а только в дрезину уселись, послушал их – будто детский сад на дачу везут. Предупредить бы Дениса, да он и сам разобрался, что сочиняют ребята про пиявок. Впрочем, не так уж сильно брешут: к водоемам в Удельной действительно лучше не подходить. Но сочиняют-то как! Свежий воздух им, что ли, в голову ударяет?

* * *

Опять дядя запретил выход наружу! «В другой раз, Леночка», – сказал он. В тон ему она ответила, что весьма разочарована, хоть слово не совсем точно выражало ее состояние. Снова нельзя! Но выходить ей разрешалось лишь в сопровождении Степанцева или Алексея, только им Главный Привратник доверял охрану любимой племянницы. Да просто дядя пользуется тем, что его самодурству никто не скажет слово поперек. И даже она, потому что дядя прав. Исчезновение Сережи Мухина нагнало страху на всех, и без Владимира Степанцева, который

казался надежнее гермозатвора, или Лешки, с которым вообще ничего не страшно, снаружи будет не очень-то уютно. Придется уже не поглядывать по сторонам с любопытством, зная, что кто-то прикрывает спину, а глядеть в оба самой. И оружие держать покрепче, оно ведь тяжелое. Одним словом, вечер пропал зря. Уже глубокая ночь, а до сих пор не спится. Елена перебирала в уме аргументы для дяди, чтобы разрешил ей выйти со сталкерами на поиски Мухина. Бездна уже поиски – отряд уходил всё дальше от бункера, не обнаружив новых следов, и хотелось пойти с ними. Так близко к центру Жуковского она еще не подходила.

И дело не только в этом, тихий и спокойный Сергей нравился Елене. Целых два месяца нравился, но она так и не дождалась, что взрослый сталкер сделает первый шаг. Ей было достаточно просто посматривать на него иногда и ловить его взгляд, особенно во время выходов наружу, когда кроме глаз в окулярах ничего и не увидишь. Как над этим смеялся Алексей! И как ругался Володя Степанцев. Махнув рукой на смутившуюся Елену, долго орал на Мухина, потому что сталкер должен не девушкам подмигивать, а оглядываться почаще, обстановку отслеживать. На этом влюбленность и закончилась. И все-таки ей хотелось присоединиться к поисковому отряду, хоть и понимала, что девушку на такое дело с собой не возьмут.

* * *

Приказ соблюдать тишину касался всех, кроме движка, который тархтел на минимальных оборотах. «Машинист» готов был в любой момент его заглушить, если в небе покажутся крылатые тени основных обитателей Быково. Помельче городских птеродактилей по размеру, они были не менее опасны при нападении: прокусить стальную клетку не смогли бы, но шум привлечет к отряду еще кого-нибудь. Доронин подумал, что ночные хищники могут вообще полагаться на тепловое зрение, а этого добра их отряд излучает в избытке: не один только Лысый сидит в поту от страха, постоянно ощупывая защитную решетку. Хоть на здоровье боец больше не жаловался, стало получше. В городских развалинах он был отличным сталкером, но тут с тоской смотрел в сторону деревьев, неуютно чувствуя себя, когда вокруг на несколько метров голая земля. То есть не земля, а снег, нетоптанный и белый, а впереди – еще и нетронутый следами колес. Только сзади тянулись две тонкие параллельные линии – нитки, которые приведут обратно. Остальные сидели тихо, некоторые в задумчивости, Сафроненко ерзал на скамье, – «тихий час» давался ему нелегко, а Илья-Нумизмат сцепил пальцы: полная невозможность достать монетку раздражала его не меньше, чем молчание – Сафроненко. Денис крутил головой, поглядывая на небо: луна светила сквозь тонкие облака и глаза не слепила. Снова скрипнула скамья под здоровяком. Ну, куда ж он с такой агорафобией подался? Хотя за обещанную свободу можно и потерпеть. Только Индеец, почему-то прозванный так за умение метать ножи, сидел спокойно, будто спал. Командир мысленно ругал всех: кто рассказывал тут страшные истории, запугивая отряд, и тех, кто слушал. Слегка пнул мыском ботинка Пищухина, чтоб тот не вертелся на обе стороны, показал, куда смотреть, а сам держал под контролем правый сектор обзора. В поле зрения показались остатки зеленой крыши платформы и металлическая полоса на столбе с надписью «Иль...». Интересно, сколько еще «машинист» будет таинственно молчать, если Быково давно проехали? Пришлось громко объявить:

– Ильинская!

– А что, уже?!

То ли парень и вправду задумался, то ли неудачно пошутил.

– Ходу прибавь! Рассвет скоро, а я крем для загара дома забыл.

Двигатель застучал чаще, и ледяной ветер снова начал пробирать до костей.

После Ильинской местность снова стала напоминать город в том виде, к которому Денис привык. Как будто не было по пути ни сосен и новых деревьев, напоминающих зимой мотки

колючей проволоки, ни двускатных крыш с остатками печных труб. Это, наверное, и есть Жуковский, потому что другие сталкеры, лучше знакомые с маршрутом, оживились, а вот проводник Мухин почему-то с тоской смотрел на далекие развалины. Может, он помнил город еще до войны?

Дрезина остановилась у остатков большой кирпичной стены, надпись осыпалась с нее, но еще было видно изображение крылатой машины – самолета.

– «Отдых», – произнес «машинист».

– А ты тут не командуй! У нас для этого Дредд есть, – ответил Глюк, недоумевая по поводу последовавшего ржания.

Доронин хлопнул его по плечу, стараясь не хохотать слишком громко:

– Это, Першуков, была не команда, это платформа так интересно называется. Ну, давай, первопроходец наш, побегай тут, как в промзоне!

Глюк не любил, когда над ним смеются, поэтому решительно шагнул с дрезины, тут же нырнув в сугроб по самую макушку. Видно, громкое солдафонское «гы-гы-гы» донеслось и туда, потому что первым делом наружу показался средний палец левой руки.

Снег летел во все стороны с саперных лопаток, отряд прокапывал себе дорогу, подальше от насыпи уже можно будет ходить, не проваливаясь по пояс.

– Ну, теперь вы и без меня управитесь, – хозяин дрезины завел движок, собираясь ехать задним ходом. – Обратно встречать, или до конца зимы тут остаетесь?

– Там видно будет, – ответил командир и покосился на проводника. Тот вроде не возражал. – Пошутил я. Завтра вечером обратно, сюда же подойдем.

– Сглазите, по дереву постучите!

– До дерева идти далеко. Я лучше по автомату постучу, он надежнее. И от сглаза хорошо помогает.

Доронин не был уверен, что вся группа соберется тут снова в полном составе. Но если что-то пойдет не так... Он уже решил немного подкорректировать планы руководства: да, приказ подрывнику он отдаст, как и положено, но хоть одного бойца отправит обратно в метро. Кого? Да любого, кто на своих ногах идти сможет. Пищукина, Индейца или Глюка желательно, они самые шустрые. А Сафроненко трепло! Им с Илюхой вообще не светит в живых остаться при неблагоприятном повороте событий. Лысый не пойдет сам. Не Лысый он. То есть лысый, конечно, как и большинство подземных жителей, но зовут Егором Илановым. «Машинист» махнул рукой, глухо свистнув в респиратор за неимением звукового сигнала на дрезине, и покатил назад свою клетку, надежно укрытый от хищников. А людей в округе, похоже, и не было, кроме этих насквозь просвеченных радиацией воротил железнодорожного бизнеса и закопавшихся в бункер пары сотен жителей Жуковского.

Командир повернулся к Мухину:

– Ну, Сусанин, надеюсь, не передумал показать нам свою деревню? В болото не заведешь?

– Нет, болото вон там, а мы пойдем через город. Прямо на Ильича пусть копают, тут и ста метров не будет!

– Слышали команду? Копать на Ильича! – Доронин вытянул вперед руку и тут же опустил, разглядев впереди вождя, известный жест которого он сейчас повторял. Из-под снега виднелось чуть побольше ленинской макушки, и было непонятно, указывает ли он дорогу в светлое будущее. Четверо оглянулись в недоумении:

– На что копать? – поинтересовался Глюк.

– Памятник вон там стоит на платформе. Ленин с Красной линии. К нему и идите.

– Очень мне нужно к нему идти! – ворчал Глюк, – Как он только сюда попал, если он с Красной линии? И что такого натворил, что я обязан его отчество помнить?

– Я тебе сейчас расскажу! – Сафроненко отложил лопату. – Он детей очень любил. Сажал на колени и спрашивал: а что тебе подарить на Рождество? И если ребенок хорошо себя вел, то ему дарили флажок и красный шарфик на шею. Называли таких детей пионерами, летом их отбирали у родителей и увозили в лагерь, а там перевоспитывали в духе коммунистической партии. Дедушка Ленин жил недолго, похоронили его у стен Кремля. А как вынесли тело из мавзолея, так тут-то ядерная война и началась! Потом его мумию коммунисты спрятали, молились на нее, и поэтому их никакая Ганза победить не могла! Говорят, Ленина у них украли, так что теперь еще неизвестно, чья возьмет... Поживем – увидим.

– Если сейчас же лопату не возьмешь – и не увидишь! Из-за тебя все тут уши развесили, не работают!

Хотелось врезать лентяю от души, но добираться до Сафроненко по глубокому снегу тяжело, а бойцы не пропускали командира, нарочно столпившись в прокопанной траншее. Доронин и сам был не прочь посмеяться, но не вместо дела! До рассвета оставалось меньше двух часов, и неизвестно, сколько времени займет путь вдоль узкоколейки через половину города до ограды аэродрома. И оттуда еще топать – не ближний свет! Ночи в марте длинные, но покороче полярных будут. А тут по путям два с половиной километра, да по неизвестному ландшафту, а потом еще до бункера – полтора. Хорошо хоть проводник обещал дорогу ровную и снег неглубокий, но оружие надо держать наизготовку, потому что дрезина-клетка уехала, больше ничего не защищает отряд.

– Лысый, ты как? Деревьев и развалин тут достаточно?

Здоровяк кивнул и указал на голову памятника, до которого было уже недалеко:

– Он тоже лысый. Я его портрет у «красных» часто видел.

– Это когда торговлей занимался?

– Ну да. Лучше уж этот вождь и коммунисты, чем сатанинские жертвоприношения. Народ там нормальный, спрос на Красной линии, как везде: спирт да сало.

– Уй! – Сафроненко наткнулся на что-то в снегу.

– Забыл предупредить – там ограждение! – Мухин отступил назад. – А вот дальше свободно пойдём...

* * *

– Боря, как у тебя сегодня прошел день?

Лариса смотрела на него, подперев рукой щеку, и тепло ее взгляда согревало лучше, чем тарелка борща со сметаной, который приготовила женщина. Борис хотел рассказать ей о своих бедах, она всегда всё понимает, слушает, и на душе легче становится. Только вот этой женщины давно уже нет в живых. Он знал, что видит сон, и скоро Лара исчезнет. Но сейчас они были вместе, он опять помнил ее лицо, помнил вкус борща. Прошлое ненадолго вернулось к нему, даря приятную иллюзию, чтобы при пробуждении снова забылось и то и другое. Он не любил дурацких сантиментов, никогда не носил в бумажнике ее фотографию. И как же позже сожалел об этом!

С годами образ Лары потускнел, но боль потери не уходила, не становилась слабее. Только прибавилась еще и печаль, что он не помнит до мелочей, как выглядит любимая женщина. Может быть, потому что любил не только лицо, не только тело? Не замечал, как она выглядит, просто чувствовал: Лариса рядом с ним, значит, всё хорошо. Встречи не были частыми, но каждый раз это было как маленький праздник. А она делала вид, что так и нужно, и Борис только утром вышел за дверь, чтобы вечером вернуться домой. Даже если в прошлый раз приходил к ней месяц назад.

Он что-то говорил, не очень понимая смысл слов, как это случается во сне, только смотрел на Лару. Их редкие встречи продолжались. Женщина улыбалась ему, ничего не говоря, он

протянул руку, но снова не смог коснуться ее. Только темнота вокруг и тихое гудение вентиляции... Главный Привратник проснулся.

* * *

Деревья возвышались вокруг, как стены, молодая поросль еще не успела захватить полностью каменистую железнодорожную насыпь и сомкнуть ряды, перекрывая проход, поэтому отряд мог двигаться, хоть люди и порядком устали постоянно спотыкаться о шпалы и рельсы. Но этот путь был, по крайней мере, проходимым и не нуждался в дополнительных приметах: если под ногами неудобные железки, значит, верной дорогой идешь, товарищ. Доронин заметил впереди едва выглядывавшую из-под снега платформу с покосившейся надписью «Детская». Отряд прошел ее, не сказав ни слова, хотя каждый из них наверняка думал о чем-то, но вот облечь в слова эти мысли никто не смог. Просто детство представлялось каждому своим, и воспоминания в любом случае были не очень веселыми. Кто помоложе, его просто не имел, а бойцам постарше детство казалось таким же обветшавшим и проржавевшим, как эта старая табличка на одном столбе. Но расстояния между остановками были действительно детскими – еще и трехсот метров не прошли, а уже станция. Какая же была скорость поезда на этой узкоколейке, если за первым поворотом приходилось останавливаться? Никакая.

На открытом участке снова пришлось поработать лопатами. Проламывать твердый наст, слежавшийся к концу зимы, было нелегко, но неподалеку вдоль высокого забора виднелась проталина, туда и показал проводник, сам командир не разглядел бы в темноте. Саперные лопатки плохо подходили для таких работ, но тащить с собой большую совковую было неудобно. Еще один такой непроходимый сугроб, и Доронин решил искать лопату в местных сараях. Он уже поглядывал в сторону ближайшего дачного домика, но передумал.

На фоне неба вырисовывался силуэт церкви. Индеец и Лысый перекрестились на купол, хоть не было видно, сохранился ли крест наверху, и даже мусульманин-Нарбеков склонил голову в знак уважения к пророку Исе, глядя на товарищей. Сам командир благодати не чувствовал, в этом безбожном наукограде церквям не доверял, да и думал совсем о другом, но и сталкерам не мешал – святые заступники помогут тому, кто в них верит.

Доронину не давал покоя один вопрос, и он решил все же задать его проводнику, хоть это нужно было сделать уже давно:

– А где твои следы? Что-то я их тут не вижу...

– А я шел с другой стороны!

– Ну, блин! А тут что? Ты хоть знаешь, куда идешь?!

– Так я один был... А отряду здесь безопасно, наверное, – смущенно объяснил Мухин.

– Наверное! Мы тебе что, крысы подопытные? – Но командир все же успокоился, потому что восемь человек действительно представляли собой нешуточную силу, а продираться по руинам города такой толпой было рискованно. – Ладно, проверим сейчас, насколько путь надежный. Странно, что к вам в бункер до сих пор никто не приходил. Наши сталкеры ведь рыщут по Подмоскovie, торговля идет понемногу. Но на эту тему я уже с вашим Главным поговорю.

В том, что разговор состоится, Доронин почти не сомневался. Какой-никакой, а диалог вести придется. И уже скоро. Судя по карте, искомый объект недалеко.

Денис тоже понимал, что приближается к конечной точке пути, но кроме безмерной усталости почти ничего не чувствовал. Даже не было сил смотреть по сторонам. Город как город, ничего особенного. Интересно, впустят ли их внутрь бункера, или пострелять придется? Погибнуть при штурме как-то не хотелось, надежды на дипломатический талант командира тоже не было. Скоро он всё узнает и увидит собственными глазами. Привал бы объявили только! А то ведь сил уже никаких нет.

Глава 6

Осторожно, двери открываются

Кто-то ходил вокруг отряда, хрустел ветками по кустам, но нападать не решился. Доронин оказался прав: восемь человек не по зубам одинокому хищнику. А невидимый зверь явно был поменьше, чем медведь, да и того удалось в конце концов завалить. Правда, ценой жизни Кирилла, но, мысленно оглядываясь назад, командир решил, что дело могло закончиться намного хуже. Отряд потерял снайпера, но кругом такая непролазная чаща, что СВД была бы совершенно бесполезной. Теперь основной ударной силой стал Лысый со своим пулеметом Калашникова, пули из которого могли бы сокрушить любого противника хоть за деревьями – вряд ли монстр окажется таким худеньким, чтобы укрыться за сосной. Но стрелять на всякий случай незнамо во что, на звук, не имело смысла. Может, это вообще олень или корова бродят в поисках вечнозеленого мха? Доронин сомневался в этом, но тратить патроны на каждый шорох и каждую боязливую мурашку на спине не собирался.

Группа за несколько часов притерлась, бойцы начали больше доверять друг другу и уже привычно заняли свои места. Но командир по-прежнему был недоволен: тщательно отобранные наемники оправдали его ожидания, даже Пищухин больше не давал повода придраться, а вот «каторжники» оказались совсем не тем товаром, который был обещан. Доронин рассчитывал на то, что в его распоряжение попадут настоящие звери, убийцы, которых надо держать на коротком поводке и строгом ошейнике, а прислали каких-то нариков! Возникали сильные подозрения, что от них просто избавлялись в местах заключения, как от мусора. Один открытых пространств боится, как черт лаdana, другой шарится по помойкам, просто клептоман какой-то в вечных поисках, чего бы стырить... Только Илюха, с которым приходилось работать и раньше, не вызывал сомнений. Но выбор его как подрывника имел еще и вторую причину: Доронин хотел узнать, какого же птера сталкер вдруг попался на воровстве?

Позади раздался громкий хруст, с веток полетел снег: какая-то тень одним прыжком преодолела просвет между деревьями. Сталкеры заняли круговую оборону, но больше не донеслось ни единого звука. Тварь, как приблизительно определил командир, полутораметровой длины и весом не менее ста пятидесяти кило, исчезла и не появлялась. Видно, устала наблюдать за людьми и решила поискать себе менее обороноспособную дичь.

Деревянные домики закончились, и группа вступила в зону городской застройки, точнее, городских развалин – вокруг возвышались остовы многоэтажек с выбитыми окнами. Как сказал проводник, это были последние дома на окраине, до цели пути оставалось совсем немного. «Да, – думал Доронин, – пара километров по сравнению с уже пройденным – это фигня!»

– А вот здесь уже наша территория!

Открытую местность за прошедшие дни замело; проводник потыкал в снег лопаткой, и с третьей попытки раздался звон рельса. Как уж он разглядел остатки семафора, – если не знать, что он тут стоит, и не отличишь одну ржавую железяку от другой. Узкоколейка на этом участке круто поворачивала, и куда она вела дальше – кто знает... Мухин знал:

– Вон там озеро, дальше речка разлилась, и заболочено всё. А на озере живет тритон.

– Страшный? – тут же поинтересовался Глюк.

– Не очень. Скорее противный – кожистый, чешуя коричневая тиной засохшей облеплена. И большой. Редкая скотина, один такой в округе – сначала приходил сюда сталкеров пугать, потом они уже начали на него охотиться. Когтей у тритона нет, зубов острых тоже. Когда сталкеры поняли, что он укусить толком не может, только головой бодает да на спине отплясывает, начали его гонять. А он не уходит, гад любопытный. Стреляли в него, ножом отмахивались. И оказалось, тритоны так регенерируют, что не только конечность – глаз новый отращивают. Хвостов одних с него четыре штуки набрали на трофеи. Он теперь у нас, как

тренажер для начинающих. Зимой-то он в спячке подо льдом где-то, к лету появится. Только в последнее время одна проблема...

– Какая?

– Догнать трудно. Народ уже во вкус вошел, кто на тритона еще не ходил, тоже хочет силу попробовать. Так он человека видит и несется как угорелый, только пыль летит!

Сафроненко молчал. Судя по мечтательному выражению его лица, через неделю дети и взрослые на станции Бауманская будут вздрагивать по ночам от сказки о страшном земноводном. Вероятно, как раз в этот момент тритон, ничего не подозревающий и мирно спящий в замерзшем пруду, становился трехголовым и огнедышащим.

Забор поглотили разросшиеся кустарники, и железные прутья оказались зажаты ветвями, только поэтому еще и не упали на землю, кое-как обозначая границы аэродрома. С этой стороны находились двухэтажные строения. Доронин знал, что сразу не увидит ни самолетов, ни бетонки, но лезть в такие заросли совершенно не хотелось. Под кустами виднелись какие-то ямки, насколько он мог судить – продолговатые отпечатки сапог. И тут не один человек топтался. Проверить бы, не годится ли проход среди ветвей и для отряда, раз уж неизвестные сталкеры им такой путь указали. На фоне кустов светлым пятном выделялась отдельно стоящая арка; ни с чем не скрепленная, без ворот, как портал в иной мир, она приковывала взгляд. Денис хотел подойти поближе и посмотреть, но командир не пустил:

– Хватит, и так Кирилла уже потеряли, еще и ты туда же... И опять с СВД, второго монстра она может не выдержать. Нам еще метров пятьсот до проходной топать.

– А мы там будем пропуска предъявлять и вещи к досмотру? – усмехнулся Индеец.

– Нет, просто там пока еще дорога свободна, в других местах сплошные заросли, – ответил Мухин.

Если это можно было назвать свободной дорогой, что же тогда называлось дорогой непроходимой? Тут уже попадались следы пожара – черные обломки стволов и обожженные кирпичные корпуса института. Хотя взлетные полосы, по которым и пришелся основной вражеский удар, находились в отдалении, но огонь прошел волной, распространяясь по смолистым соснам и елям. Даже за двадцать лет дожди не смыли этой копоты со стен, а растения не скрыли разрушений. Лес постепенно отвоевывал принадлежащие ему территории, но не торопился, у него впереди много времени.

Стало светлее, и Доронину больше не нужны были указания проводника, чтобы найти бункер. Теперь он легко нашел бы его сам. Но найти мало, надо еще попасть внутрь.

Толстый слой бетона на крыше, казалось, уже перестал быть чужеродным элементом пейзажа, как будто его сотворили не человеческие руки, а сама природа. Она же укрыла бункер слоем травы, мха и кустарников. О том, что эти места заселены, можно догадаться только по широкой просеке перед входом. Доронин остановился на краю поляны, осматривая окрестности. Да, грамотно сделано. А дверь крепкая, хватит ли у них взрывчатки, если понадобится силовое решение проблемы? Скоро уже белый свет начнет глаза слепить, а через час и никакое затемнение не поможет. Что тогда делать? В снег закапываться? От проводника он уже знал, что подходы к бункеру не заминированы, хотя вот это зря: сам он поставил бы хоть несколько растяжек на непрошенных гостей. Командир сделал шаг вперед, на поляну. Неизвестно, видят ли его жители бункера, имеются ли у них какие-нибудь системы наблюдения, но скрываться и раздумывать больше нет времени. Дредд несколько раз стукнул прикладом в ворота, извещая о визите.

* * *

– Борис Владленович! Срочно! Там пришли люди!

Главный Привратник уже давно не спал, не пришлось долго раскачиваться после пробуждения. Торопливо одевшись, он вышел в коридор. Будить его явился не кто-нибудь, а второе лицо в Совете, Никитин. Гладко и связно говорить Сергей Петрович никогда не умел, поэтому приходилось задавать ему наводящие вопросы:

- Из капониров пришли? Что им нужно?
- Нет! Так сказать, совсем чужие люди!
- Совсем? Вы меня интригуете... С чего вы это взяли?
- Экипировка другая, не местные они. И это еще не всё!
- Господи, что же еще? Рога у них, что ли?

Немного успокоившись, потому что проблему взяло на себя начальство, Никитин объяснил:

- С ними пришел Сергей Мухин.
 - Вот это уже интересно, – сказал Борис Владленович, – Мухин пришел с ними, или они пришли с Мухиным?
 - Так сказать...
 - Сейчас мы сами это узнаем.
 - Борис Владленович, но вы должны лично... Вам не страшно?
 - Но ведь вы же за этим и пришли, – Главный Привратник смерил его взглядом. – Чтобы я лично... А не вы. Это, в конце концов, моя обязанность. И никто не говорил, что это безопасно.
- Да, в обязанности Главного Привратника входило не только закрывать двери, но и открывать их. Своей рукой, на свой страх и риск.

* * *

Доронин внимательно осмотрел дверь по периметру, потом такому же исследованию подверглась бетонная стена. Краем глаза уловив какое-то движение, он понял, что их видят изнутри. Электронные системы слежения, конечно, давно вышли из строя, но ничто не мешало местным технарям наладить простые оптические приборы с линзами и зеркалами на манер перископа. Теперь надо было ждать, пока дозорные сбегает к начальству, и так далее по цепочке. Командир надеялся, что цепочка эта не слишком длинная, потому что отряд, стоявший на месте почти неподвижно, начинал мерзнуть. А пятеро уже расселись на снегу отдыхать.

– Встать! Пятую точку отморозите. Скоро будет вам здесь отдых. – «Или уже на небесах», – закончил он мысль про себя. – Нарбеков! Приготовь для начала пару зарядов для запирающего устройства. Сюда и сюда. И прикинь, сколько всего на эту дверь понадобится. Пока теоретически.

А практически не мешало бы найти удобную позицию для обороны и расположить бойцов на ней. Потому что если бы сам Доронин сидел внутри, а снаружи ломались вооруженные незнакомцы, то план был бы таков: тихо вылезти из запасного выхода, окружить отряд, пользуясь тем, что противник местности не знает, и расстрелять, даже не показываясь на глаза. Но так поступают с явным врагом. Командир надеялся, что люди внутри все же проявят крупицу любознательности и вышлют парламентаря. Ну, хоть какого-нибудь завалящего, пусть не начальство... Чтобы не ждать обстрела с тыла каждую минуту. А этих минут уже прошло вполне достаточно, чтобы в бункере что-то решили.

– Пищухин!

Денис подскочил поближе и тоже уставился на дверь.

– Смотреть по сторонам внимательно! При малейшем признаке движения дать сигнал об опасности. Кто знает, что они там внутри себе думают...

– Но с нами же их человек, Мухин.

– А меня именно это и пугает... Кто знает, почему он из бункера ушел? Короче, выполнять!

«И огнемёты тут удобно было бы расположить, – думал Доронин, – пару штук по углам. Оборона ни к черту! Или в этом и состоит весь фокус, чтобы противник расслабился, и с ним можно было легко разделаться? Или бункеру нужен хороший консультант по вопросам безопасности». Колесо запирающего устройства начало медленно поворачиваться.

– Илья, отставить пока взрывчатку. Стрелять по обстановке, приказа не ждите.

«И командира на линии огня можно вообще не замечать. Это уже проблема командира...» Доронин знал, соглашаясь на сомнительное мероприятие, что обратно он может и не вернуться. И ничуть не удивился бы сейчас, оказавшись под перекрестным огнем своих и чужих. Такова уж его роль, и передать ее кому-то другому нельзя. Прижизненно, во всяком случае... Вот Поповкин-то обрадуется!

Дверь тихо сдвинулась с места. Смазанный механизм не скрипел, изнутри лился мягкий электрический свет неяркой лампочки. Он не слепил глаза, но командир не разглядел сразу, кто стоял перед ним в небольшом шлюзовом помещении. Только и увидел, что человек там один. Оружия на первый взгляд у него обнаружить не удалось, но оно могло быть скрыто просторной одеждой. Глаза начали привыкать к свету, и теперь стало отчетливо видно, что это старик, хоть и крепкий, с ясным острым взглядом. И он определенно не просто парламентар – это главный. «Привратник», вспомнилось Доронину странное слово, обозначающее здесь лидера. Оказывается, слово выбрано не просто так: привратник открывает двери... Точнее, одну дверь. И не пропускает никого дальше.

– Только вы один, – старик сделал приглашающий жест.

Доронин не раздумывал:

– Нарбеков, в мое отсутствие принимаешь командование.

И шагнул через порог.

Дверь закрылась за спиной командира, на поляне снова стало темно. Но рассвет уже близилился, и если сейчас там внутри что-то не решат, то скоро придется в панике бегать по окрестностям в поисках укрытия. Денис надеялся, что Мухин покажет им что-нибудь подходящее. Но проводник, не отрываясь, смотрел на бункер, будто за дверью решалась и его судьба. Так оно и было, вероятно. Доронин прав: что вдруг заставило этого человека пробираться в Москву, рискуя жизнью на каждом шагу? Ведь не коммерческий же интерес! Не его личный интерес, во всяком случае. Денис задумался... А командир сейчас там, внутри! И неизвестно, что с ним произошло, может быть, он уже мертв, и их отряд сейчас ждет та же участь! Сколько душевных сил потребовалось бы, чтобы войти в бункер, где ждет нечто совершенно непредсказуемое! Сам он легко представил себя входящим туда, ведь ему хотелось совершать подвиги, у него есть для этого всё, что нужно! Но... Что бы он сказал там, внутри? Да ничего. Для того чтобы представлять интересы Альянса, у него еще не хватало ума и опыта. Поэтому он жметесь снаружи, оглядываясь по сторонам, как приказал Доронин, и косясь на Илью-Нумизмата, которого оставили за главного. Илья хранил молчание. Нервных подрывников на свете не бывает.

Время тянулось и тянулось, у деревьев начали появляться тени. Денис снова взглянул на Илью, но тот будто не замечал ни рассвета, ни устремленных на него взглядов. Его внутренний счетчик сейчас отсчитывал последние из отведенных командиром пятнадцати минут. После этого он должен будет заминировать двери. И пусть люди, спрятавшиеся там внутри, увидят это. Еще немного выждать, взрывать и возвращаться в метро. Миссия будет считаться завершённой, хоть и ничем не завершившейся. Но командир, отдавая такой приказ, думал в первую голову об отряде, а уж о сохранности бункера или внешней политике Альянса – в последнюю очередь.

* * *

Шлюз бункера оказался невелик, но там не было тесно. Доронин оглядел старика: тот вышел поприветствовать его безоружным и без химзащиты. Может, это должно символизировать мирные намерения? Или нет? В любом случае, сам он вошел сюда не для перестрелки, а для переговоров. Вот и стоило с них начать.

– Поскольку это я пришел к вам, представляюсь первым: Доронин Валентин Николаевич. Со мной еще шесть человек сопровождения – сталкеры Московского метрополитена. И один из ваших людей, если не врет, по имени Сергей Мухин.

– Борис Владленович Нестеров. Являюсь председателем Совета, управляющего бункером.

Вот так, просто и весомо, типа, премьер-министр... Доронин, в нарушение всех норм безопасности, осторожно стянул перчатку и, стараясь не трясти рукавом, протянул руку Главному Привратнику. Тот крепко пожал ее. Хорошо бы было снять и противогаз. Командир решил, что пыли на нем по зимнему времени должно быть немного, и снял ГП-7 с головы. Не к месту вспомнилась сыпь на лице Лысого. Но разговаривать стало намного удобнее, а он и так себя неуютно ощущал под взглядом старика. Оружие ему сейчас не поможет, придется думать над словами, а это и дома, в метро, давалось нелегко.

– Я слишком давно живу на свете, в том числе и под землей, чтобы поверить в случайных гостей, заглянувших просто так на огонек, – прервал молчание старик. – К нам еще ни разу не приходили люди из города.

– Ганнибал у ворот Рима, – буркнул Доронин и взглянул на Привратника. Тот улыбался совершенно искренне, шутка разрядила напряженную атмосферу.

– Где же ваши боевые слоны, Ганнибал?

– В кустах сидят скрытно, сигнала дожидаются.

– Но в Рим этот полководец так и не вошел, как мне помнится... – Привратник продолжил историческое сравнение.

– Да и мне не нужна ваша капитуляция. Я в данном случае дипломат. Посол, если хотите, а не завоеватель.

– В данном случае? – На посла Доронин не был похож ни в каком случае. А вот сам послать мог кого угодно и очень далеко. И не дипломатично, к сожалению.

– Я представитель Бауманского Альянса Московского метрополитена. Вам это, конечно, ни о чем не говорит, но у меня есть письмо. И если вы главный в этом бункере, то адресовано оно вам. Читать сами будете?

– Буду, конечно. А основные положения вы мне можете поведать уже сейчас.

Шутки закончились, и Доронин в общих чертах изложил суть письма. О том, что Альянс заинтересован в покупке средств индивидуальной защиты, медикаментов и, возможно, продуктов питания, если таковые имеются в бункере в избытке и не сильно протухли. В свою очередь бауманцы предлагали подмосковным жителям боеприпасы. Говорить об остальном нужно было уже за внутренними дверями. Или разойтись, так и не придя к согласию.

Борис Владленович задумался. Бауманский Альянс. Звучало дико, непривычно и весьма неожиданно. Не думал он, что метрополитен может разделиться на удельные княжества... А командиру, вероятно, казался не менее идиотским его титул Главного Привратника. Но, оставив в стороне всё, что удивляет, пришлось задуматься о пользе и вреде. Заключив союз с Альянсом, бункер приобретет торгового партнера и, возможно, союзника, способного помочь не только боеприпасами. Бункеру не хватало людей, чтобы окончательно выгнать с аэродрома конкурентов, разгромить поселение у реки, чтобы тем неповадно было покушаться на чужие ресурсы! С другой стороны, Альянс, явно превосходящий военной мощью обе колонии вместе

взятые, может легко захватить кусок подмосковной земли. Но это уже дело будущего, а пока стоило хотя бы ознакомиться с коммерческим предложением. Семь человек не представляют большой опасности, а их исчезновение легко будет объяснить. К примеру, повышенной агрессивностью окружающей среды: не дошли они сюда, не были и даже не слышали здесь про них ничего! В конце концов, если стрелять по всем, кто не из бункера, можно совсем остаться без патронов. А о Бауманском Альянсе и жизни в метрополитене вообще стоило разузнать поподробнее. Ведь, прежде всего, в лице командира отряда к ним пришла информация, а информацию Привратник ценил не меньше, чем боеприпасы.

– Ваши предложения интересны. Я думаю, что партнерство с метрополитеном нам не помешает. Хотя и соседи мы довольно дальние.

– Да уж, не близко до вас добираться... И если вы не забыли, у меня там семь человек на улице мерзнет. А солнце встанет – вообще окочурятся. Как вы думаете, если я сейчас не появлюсь и знака не подам, что будет?

– Думаю, мы останемся без внешней двери, – сухо сказал Привратник. – Не нужно шантажа. Вы и ваш отряд войдете в бункер, обойдемся без жертв. Надеюсь, и в будущем у нас с вами не возникнет конфликтных ситуаций. Нам нужны союзники.

«А врагов, видно, и без москвичей хватает», – предположил Доронин, но промолчал. Старик повернулся назад и приказал:

– Откройте внутреннюю дверь! – Взорвать они тут могут всё к чертовой матери! Такая неделовая и непривычно сформулированная мысль, конечно, не могла не посетить Бориса Владленовича. Но эти люди были очень нужны бункеру... – Внутри вас в загрязненных комбинезонах никто не пустит. Сразу скажу, во избежание... В общем, это не ловушка. Проходите по двое, больше наша очистительная установка не вмещает. Да и какой смысл вас убивать попарно, если мы могли избавиться от всех вас сразу?

«И каким же образом?» – хотелось спросить Доронину, но он решил, что военные секреты бункера узнает со временем сам.

– А вот это для ваших людей и для вас, – Привратник протянул Доронину восемь небольших мешочков.

– ДПП? Давненько я не видел дегазационного пакета... Только поможет ли он от радиоактивной пыли? Но отравы мы на себя набрали по пути немало, не мешают нам ваши пакеты.

– Вас впустят, но свободно перемещаться по убежищу не позволят. Надеюсь, вы понимаете, что это необходимая мера предосторожности. Кроме того, придется сдать оружие.

– Нет, я не доверю оружие незнакомым мне людям!

– Тогда сдадите все без исключения боеприпасы. Такой вариант вас больше устроит?

– Вполне. Но мой пистолет останется заряженным.

– Если вы сами не злоумышляете против нас, у вас не будет случая его применить, – усмехнулся Привратник. – Жду вас внутри.

Глава 7

Внутри бункера

Странная палочка, которой водили вдоль его тела охранники бункера, пищала сама по себе! Командир, хмыкнув и недовольно сморщившись, назвал ее металлодетектором. Пришлось Денису выложить из кармана и предъявить даже маленький складной нож и гильзу, с которой играл в детстве и которую таскал с собой «на счастье». Но хоть не раздевали и руками не трогали. Нарбеков сдал все гранаты, сделанные из консервных банок. Охранник спросил:

– А что это у вас подрывник на кавказца похож? Шахид, что ли?

– Естественно! И сейчас он вас всех к шайтану отправит. А тебе что-то не нравится?

Закрытые цинки опечатали – предмет торговли боеприпасом не считался, а вот обоймы и патроны россыпью сложили по коробкам в отдельном хранилище. Холодное оружие тоже пришлось сдавать. Индеец с трудом расстался с набором метательных ножей, Глюк ворчал:

– Как голый остался! А если вдруг что?

– А если что, ты им всю рожу заплешь – вовек не отмоются, – подколот его Сафроненко.

– Тихо! Ишь, развеселились. Полчаса на отдых и обед, а потом Индеец, Пищухин и Лысый со мной – на разговор с Советом. Остальные... Не нужны пока. Команда «вольно». И не ссать тут по углам, не в туннелях! Туалет поищите.

Последнее замечание показалось Денису излишним, но отряд оживился, со смешками и шутками направился по коридору вслед за охранником мимо лестницы, ведущей на нижние жилые этажи, в дальнее служебное помещение.

– Илья, ты всё оружие сдал? – тихо спросил Доронин.

Нумизмат подбросил монетку и ловко поймал на лету.

– Канэшно, камандир! Всё, что пыщалка нашла! – нарочно коверкая русские слова, с улыбкой ответил подрывник.

Есть хотелось зверски. Организм явно истратил все резервы, а к ощущению слабости от голода и усталости добавилось состояние покоя: всё закончилось! Больше не надо оглядываться каждую секунду в ожидании опасности. Они среди людей. Командир, правда, пытался призвать бойцов к бдительности, напоминая: они на чужой территории, неизвестно, чего ждать от обитателей бункера. Доронину казалось, что слишком легко налаженный контакт все же означает ловушку. Он только надеялся, что ловушка не кроется в отравленной еде. Конечно, было бы проще и безопаснее раздать сталкерам паек, принесенный из метро, но проклятый этикет – трижды проклятый! – требовал оказать уважение хозяевам и слопать то, что ими предложено. Глюк уже что-то жевал – запасливый сталкер носил с собой самое необходимое. Остальные смотрели на стол голодными глазами и ждали команды. Доронин вздохнул:

– Приступить к приему пищи.

Альянс приказал наладить контакт во что бы то ни стало. Посадить бы это начальство за стол, да пусть поработали бы дегустаторами! Главный Привратник, конечно, на трапезе отсутствовал, но парочка местных с кастрюлями и половниками смотрели из дверей, не требуется ли добавки. Командир отмахнулся от них – не хватало сталкерам обожраться и спать на ходу! Предстоит еще переговорный процесс, не самая легкая часть миссии. Сам Доронин скорее согласился бы снова пробежать с полсотни километров.

– Дятлов, Пищухин, Иланов! – Несколько человек недоуменно оглядывались по сторонам. – А вы что, не знали, что Индеец у нас Дятлов?

– Мы думали, он Чингачгук Большой Змеевич, – разочарованно протянул Сафроненко.

– Ты хоть не прикалывайся! Вы ж старые знакомцы, я справки-то наводил... Короче, встали и за мной!

Хорошо, что такой термин, как «дипломатическая неприкосновенность», тут имеет силу: заряженный пистолет на поясе придавал уверенности. Но прав старый Привратник, что толку от оружия, если не воевать собрался?

Лампочки свисали на проводах с недостижимой высоты потолка, на ходу отражаясь поочередно в макушке Лысого. Денису все казалось непривычным. И главное, что удивляло – отсутствие каких-либо пристроек, палаток, всего того, чем обитатели метро старались приспособить для жилья мраморные залы станций. Но ведь бункер и строился для людей, правда, никто не рассчитывал, что люди проживут там двадцать лет. Единственными нововведениями оказались перегородки в комнатах, но пока двери не открывались, этого и не увидишь. Да и свет такой же тусклый, как дома, энергию экономили. Зато вентиляция работала получше, все же объем убежища меньше, а вытяжки установлены мощные, и фильтры в них заменялись регулярно.

Тут многое казалось странным, и не только Денису – командир тоже поглядывал по сторонам, отмечая для себя что-то. Но рассмотреть удалось лишь верхний этаж, да и там разрешили только прогуляться вдоль ряда запертых дверей. Кроме маленькой столовой, видно, не общей, а какой-то служебной, доступ отряду был открыт только в каморки для временного поселения и в зал заседаний, в котором сейчас должны пройти переговоры. Снизу доносился гулкий шум множества голосов, значит, бункер не такой пустынный, как показалось на первый взгляд. Люди не прятались, но еще не освоились с присутствием московских сталкеров, и близко рассмотреть можно было лишь обслуживающий персонал убежища. Показалось удивительным, что охранник от работника столовой отличался только бронежилетом, надетым поверх обычного свитера, и автоматом в руках. Денис не заметил и других признаков, по которым сразу можно вычислить военного, с командиром Дорониным их не сравнить! Но у них было заряженное оружие, а у сталкеров – нет, поэтому, как бы мирно ни выглядели защитники бункера, сила была на их стороне. Сейчас любопытство заставило забыть об опасениях: открылись двери в зал, освещенный ярче коридора. Там внутри, наверное, есть на что поглядеть!

От Мухина уже было известно, что Совет состоит из пяти Привратников, но присутствовали только трое. Если, конечно, признаком высокого титула было то, что они сидят за столом... Стола как раз на пятерых бы и хватило. Кроме уже знакомого старика Нестерова там были еще двое пожилых людей с хмурыми лицами. Остальные уже, по опыту Доронина, должны бы представлять разные технические службы, и просто любопытные, допущенные поглазеть. Даже девчонка какая-то тут вертелась. В общем, с десяток человек набралось помимо охраны.

– Теперь моя очередь предложить товар, потому что ваши патроны в описании не нужны, – начал беседу Главный Привратник. – Вам нужны были защитные костюмы и противогазы.

– Еще лекарства. И запасные фильтры. Радиопротекторы тоже не помешали бы, если есть и не слишком дорого запросите. – «И лучше бы в личное пользование отсыпали, – думал командир, – потому что обещанная радиотерапия дома скорее всего сведется к отпаиванию спиртом для выведения нуклидов и доведения до белой горячки...»

– К сожалению, гарантийный срок хранения ОЗК составляет десять лет, но, кажется, наши комплекты хорошо сохранились. Ничего нового в этом мире уже не существует. Почти ничего. Надеюсь, патроны вашего производства вполне боеспособны и вы не обидитесь, если мы проведем выборочную проверку?

– Не обижусь, если мишенью не назначите. Ваше право. А ОЗК я уже в эксплуатации видел, проводник наш без дырок обошелся. У вас только «эльки» есть? Нам бы штук пятнадцать для начала. Да, противогазы с хоботом не предлагайте! Они для разбора завалов хороши, когда вокруг охрана стоит. За двадцать лет-то уже все разобрано...

Борис Владленович понимал, что пока информация о метрополитене будет выдаваться вот такими крошечными порциями. А чтобы узнать больше, нужно посидеть с командиром в спокойной обстановке и побеседовать.

– Какие вас интересуют лекарства?

– Всякие интересуют, – вздохнул Доронин. Привратник сделал вывод, что в метро уже никаких не осталось. – В первую очередь витамины и антибиотики.

– С витаминами у нас у самих... А вот антибиотики найдутся...

Денис не слышал больше ни единого слова... От скуки разглядывая людей, скользя взглядом по присутствующим, он увидел нечто, поразившее воображение: здесь была девушка. Зачем она? Слишком молодая, слишком живая и любопытная для такого официального дела. Остальное тут же перестало существовать, во всяком случае, представлять интерес. Он подумал, что ему показалось. Не бывает таких девчонок! Может, в метро и не бывает, а тут одна нашлась. Сразу сонливость как рукой сняло, правда, голоса командира и Привратника теперь доносились будто издалека.

Денис почему-то не мог снова посмотреть на девушку. Боялся, что первое впечатление – красивая! – поблекнет и на деле всё окажется совсем не так, как он увидел мельком. Если посмотреть еще раз, то он сразу начнет замечать недостатки, а пока в голове сохранялся идеальный образ. Щечки круглые, про такую не скажешь «бледная немочь», да и остальные женские атрибуты вроде на своем месте. Не запомнил и не рассмотрел... Да и вообще, что тут делать девчонке, когда мужчины переговоры ведут? Только смущать своим присутствием – мысли-то побежали совсем не в том направлении. Хотя охраннику тут точно так же делать нечего, опасность никому не угрожает, стой да в пол гляди. Свободен, на обратном пути пригодишься. Может, поэтому и почувствовал что-то общее с ней? Лишние они тут оба. Вот закончит командир свои дела, останется отряд на днёвку, тут-то и... Что?

Глаза у нее оказались карие. Откуда же голубые привиделись? Но больше ни в чем не ошибся. Губы девушки то и дело расплывались в улыбке. Бросит быстрый взгляд в его сторону, такой, что даже сомневался, не показалось ли – и опять улыбается. Денис уже начал думать, что выглядит смешным и неряшливым со своей небритой рожей. Впрочем, щетина командира была подлиннее и погуще, но смешков ни у кого не вызывала.

Теперь возникла другая проблема: глаз не отведешь. Получится, вроде смущает она его чем-то. И Денис попробовал смотреть как бы сквозь нее, напустив на себя серьезность и безразличие. И тут же встретился взглядом с теми самыми голубыми глазами, которые почему-то ошибочно приписал девчонке. Лицо жителя бункера не было ни вялым, ни изнеженным, в общем, никак не соответствовало представлениям о зажавшихся аборигенах. И тот вдруг привычным жестом поправил девушке косу на плече, что-то шепнув ей на ухо. И больше Денис уже не думал, что девушка улыбается ему, глядел на цинки с патронами, как и положено охраннику...

– ...Пищухин! Ты что, оглох? – Командир уже начал беспокоиться: сначала Лысого прыщами закидало, теперь самый молодой сталкер вдруг выключился из окружающей действительности. Какой же дряни они надышались по дороге? – Может, тебе к местному доктору сходить, Пищухин?

– Не надо, – рассеянно ответил Денис, не очень понимая, что нужно командиру. Но постепенно начал приходить в себя, поплелся за остальными, позволив себе только один раз обернуться. Девушка еще о чем-то говорила с тем типом, их беседа была оживленной и явно дружеской.

– Ясно! – бухнул над ухом голос Доронина. – Я тебе и без доктора диагноз поставлю: дурак ты! Такого добра и на станции навалом.

«Нет, таких больше нет», – думал Денис. Ни одна девушка еще не нравилась ему так сильно. Как будто изображение в сам мозг впечаталось! А ведь он даже не говорил с ней...

Всё бы отдал, чтобы оказаться сейчас на месте того мужчины, чтобы тоже прикоснуться к ней, поправить волосы, склониться к ушку. Впрочем, ушко-то как раз почти на одном уровне с его будет... Бункер мал, и оставалась надежда, что за несколько часов он еще хоть раз увидит эту девушку! И вероятно даже ближе, чем на переговорах...

Молодой энтузиаст, кажется, решил в этом походе оторваться по полной программе: преодолеть все препятствия, победить мутанта, влюбиться без памяти... Осталось до полного комплекта только погибнуть героически на обратном пути с именем этой Дульсинеи на устах. Птер его задави!

– Кофе – это хорошо, командир! – радовался Индеец. – Товар дорогой, для метро почти эксклюзивный.

– Кофе? – переспросил Денис. Он еще помнил горький лекарственный вкус и не понимал, что же в нем хорошего. – А у них есть?

– Для тех, кто был в танке, повторю: они кофе в вакуумной упаковке на продажу выставили. Вот теперь думаю... Дорого просят. Лысый, ты же у нас торговец, подскажи правильную цену.

– Нормально, командир. Можно брать.

– Тогда скажу Нестерову, что согласен. – Доронин уже в сотый раз пожалел, что ввязался в эту авантюру не в привычном ему качестве начальника охраны, а в роли полноценного командующего экспедицией. Скорее, *неполноценного*, потому что он больше привык патроны в обойму заряжать, чем из бюджета отсчитывать. Обычно на подобных торгах у него всё пролетало мимо ушей, как сейчас у Пищухина... Но, кажется, ни на чем не обделался, как было оговорено с руководством Альянса, так и действовал. Конечно, Привратники распознали в нем неопытного коммерсанта, но его дело связи наладить, а там уж пускай настоящие караванщики сюда идут. И им не придется пугать людей в бункере взрывчаткой – примут, как дорогих гостей. А пока недоверчивый командир продолжал искать подвох, – слишком спокойно прошли переговоры – и был настороже.

– Вы тут, ребята, поаккуратнее... А то ведь знаете как: в глаза «ти-ти-ти», а за глаза «мать твою ети». Людям не верьте и сами не болтайте. Если Сафроненко им еще не всю подноготную метрополитена рассказал в наше отсутствие!

* * *

Мальчик очень смутился под ее взглядом, даже уши порозовели. Елене было приятно, что гость из Москвы оказался таким. И приятно произвести на него впечатление, да еще какое! Он же просто застыл на месте, пока командир не подтолкнул его. Когда дядя сказал, что в бункер пришли люди из большого города, она уже приготовилась визжать и топтать ногами, чтобы ей разрешили на них посмотреть, но не пришлось. Дядя сам предложил ей присутствовать на переговорах, чтобы поучиться и не бояться чужих. «С людьми надо уметь договариваться и вести дела, а стреляют в кого ни попадая только те, кто ничего другого не умеет», – сказал он, и Алексей с ним согласился. Но по их лицам было видно, что они все же опасаются пришельцев.

Елена ожидала увидеть каких-то необыкновенных сталкеров – люди, которые за одну ночь проделали марш-бросок такой протяженности, просто не могли оказаться обыкновенными! Командир отряда полностью оправдал ее ожидания, он чем-то напоминал дядю, конечно, сильно превосходя того физической силой. Мужественное лицо командира показалось ей мрачным, серьезным и очень усталым. Она сначала решила, что остальные три сталкера – это его охрана, но потом подумала, что этот человек в охране не нуждается, а вот почетный эскорт ему положен по протоколу, ведь дядя назвал его дипломатическим послом. А в таких вещах она немного разбиралась благодаря книгам и рассказам Бориса Владленовича. Ну,

и Лёшка напомнил пять минут назад о мудреном слове «протокол», на основании которого сформировали состав... тьфу, слова ужасные! Но дядя всегда так говорит, положение Привратника обязывает, и Лёшка тоже старательно словесные кружева выплетает! Кем был писан этот протокол, неизвестно, но охраны нагнали больше, чем это было нужно против одного человека с пистолетом в закрытой кобуре. Насколько заметила Елена, командира это совершенно не смутило, видно, он тоже решил, что так положено.

Разглядывать сопровождавших его сталкеров было очень интересно. Один из них оказался чем-то похож на дядинного телохранителя Володю Степанцева, только ростом намного выше. Сам Володя в бункере отсутствовал, ушел в другое поселение к реке, а он так нужен! Елене было бы спокойнее, если бы он сейчас стоял у Привратника за спиной. А вот этот милый юноша оказался полной неожиданностью. Вряд ли он старше ее самой, ну, ненамного. Трогательно взъерошенный, так и не пригладивший волосы после противогаза, он заметно скучал – его не занимали вопросы покупки защитных комплектов. И щеки покраснели, когда он заметил ее взгляд. Ободряющая улыбка почему-то ввела юношу в полный ступор. Интересно, почему? Стоило найти его сейчас, поговорить с ним. Хоть Лёшка и не советовал... Но дядя не запрещал, значит, можно.

* * *

У всего бункера нашлись дела на верхнем этаже – прибытие отряда было слишком большим событием, чтобы его пропустить. Ребенок лет четырех храбро подошел к сталкерам, но, увидев страшную «козу» из грязных пальцев, заплакал и побежал к матери.

– Ой, девчонки! – Сафроненко изобразил самую обаятельную улыбку, Глюк тоже попытался, но с меньшим успехом. Сами же девушки с большим любопытством разглядывали Лысого.

Командир, из-за усталости равнодушный к женским чарам, прикрикнул на бойцов, упомянув разболтавшуюся дисциплину и уголовное прошлое некоторых присутствующих. Ему не нравилась идея расселять отряд по разным комнатам – так их поубивать легче будет поодиночке! – но свободные помещения были слишком малы, больше троих человек в комнате все равно не помещалось. А если не дать отдыха бойцам, на обратном пути они сами ласты склеят...

– Со мной остается Илья. Вирус наш болтливый и Индеец друг друга уравновесят, еще Пищухина с собой забирайте. Иланов и Глюк... Надеюсь, нового конфликта не будет. Устали все. Спать надо.

О том, что спать желательно вполглаза, не стоило и упоминать, сами не маленькие, догадуются.

– Илюха, тротил не потерял? Это наша страховка на всякий случай.

– На какой случай, командир? Тут люди хорошие, спокойные.

– Непуганые они. И до вечера мы с тобой буквально на пороховой бочке сидеть будем. Я только в метро успокоюсь, а пока еще ничего не закончилось...

* * *

Елене не пришлось долго раздумывать – пусть мужчины сами решают проблему, о чем с ней говорить, застигнутые врасплох. Лёшка приучил ее к тому, что женщина не должна забивать голову лишними хлопотами.

– Ребята, можно к вам?

Сафроненко тут же подвинулся на край койки и гостеприимно разгладил одеяло рядом с собой:

– Заходите, девушка! Присаживайтесь.

Денис готов был провалиться сквозь землю, если б было куда дальше. Ему казалось, от одного запаха пота в комнате можно упасть в обморок, хоть им и выдали какие-то тряпки и тазик. До сих пор проблема не казалась актуальной, когда вокруг такие же немые сталкеры. Но девушка! Она! Ужас какой... А прекрасное видение даже носик не морщило – плюхнулось рядом с опытным и быстро соображающим Вирусом. И оказалось прямо напротив Дениса.

– Ты снайпер?

Денис смутился:

– Да нет. Это просто винтовка... Снайпер погиб, еще в Москве.

Елене такая мысль не приходила в голову:

– А сколько вас было?

– Девять. Кирилл единственный, кого мы потеряли.

– Расскажите о дороге! Я, конечно, могу и Сережку Мухина спросить... Но ведь с ним я еще потом поговорю, а вы из города пришли... И скоро обратно.

– Да, девушка, вы только спросите – всё расскажем!

– Вот это трепло вам сейчас такую сагу расскажет – только сядьте поудобнее! – Серьезный сталкер, который на переговорах стоял справа от командира, был ей уже знаком. Но она пришла сюда не ради него. – Давайте познакомимся. Дятлов Александр.

Он протянул ей руку, вставая с места, сидящий рядом с ней боец притворно ужаснулся:

– Ой, я ж представиться забыл!

– Это у нас Сафроненко по прозвищу Вирус. Большой шутник и сказочник. – Сталкер, как старший среди присутствующих, взял на себя обязанность представить своих. – А это Денис из доблестного Бауманского Альянса...

Сталкер Дятлов сделал паузу и посмотрел на нее.

– Елена. Нестерова.

«Какое прекрасное имя, – подумал Денис. – Очень подходит этой девушке».

Индеец подал предостерегающий знак Сафроненко: фамилия Нестерова вполне может означать, что она дочка Главного. В любом случае, родственница. И если они не хотят огрести неприятностей на свою голову, девушку следовало ненавязчиво развлекать, и не более. Вирус не совсем понял, что имелось в виду, но общий смысл, кажется, уловил.

Глюк заглянул к соседям, услышав звонкий девичий смех, и застыл в дверях. Елена расхохоталась еще громче: сталкер, все же опасаясь хозяев бункера, не снял бронежилет, тощие жилистые руки в этом наряде выглядели нелепо, и почти до колен тянулась застиранная серая майка. Но Глюк, прекрасно осознавая свой непривлекательный вид, решил завоевать внимание девушки другим способом:

– Я чего зашел-то... Дай мне винтовку, посмотрю ее. А то после медведя мало ли что с ней случилось, вещь дорогая.

– А командир не разрешал...

– Да не... не переживай, не ломаю! Дай, она ж все равно не заряжена.

Глюк покрутил в руках оптику, прикрыв рукой снаружи, заглянул в окуляр.

– Сетку не вижу. В общем, за прицел не ручаюсь, может, он уже и тютю... Проверим, что можно. – Сталкер отвел назад раму, нажимая спусковой крючок, пощелкал курком. – Вроде повреждений нет. А в стволе небось полно дерь... посторонних предметов.

– Специалист! – не удержался от смешка Вирус.

– И не смешно! – огрызнулся Глюк. – Я когда-то пять лет с такой штуковиной не расставался – телосложение у меня не самое крепкое, но для снайпера подходящее. Темно тут, действительно фиг разглядишь! Подачу патронов проверить надо, а их нету. Мушку надо поправлять. Короче, медведь всё поломал, заново пристреливать придется. Но главное, сама винтовка цела, есть с чем работать. Только почистить ее как следует могу, а то ведь вы, специалисты, все

детали растеряете. Кое-кто вообще ее снегом вытирал, красавицу такую! Заберу я у вас СВД. Мне все равно Дредд за что-нибудь голову оторвет, так пусть хоть по делу... – И Глюк ушел, бережно придерживая винтовку.

– Так, один себе уже красавицу нашел, – подал голос Индеец и посмотрел на Дениса. Потому что, сколько бы Сафроненко ни трогал девушку за локоток, она так и не соизволила рассмотреть обаятельного шутника, только смеялась. Вот и говори после этого, что женщины любят ушами!

Елена заметила, как Индеец-Дятлов уже начал постепенно выключаться из разговора. Ему бы сейчас отдохнуть после дальней дороги, он-то не заинтересован в женском обществе, поэтому, как бы ни было приятно в атмосфере всеобщего внимания, витиеватых комплиментов Сафроненко и красноречивого восхищенного молчания Дениса, пришлось уйти. Как жаль! Девушка выпорхнула из комнаты, как на крыльях, ее распирало от новых ощущений, не терпелось поделиться с кем-нибудь. Как назло, она нигде не могла найти Алексея, а сунуться к дяде в такой ответственный момент... У него своими делами голова занята. В итоге она убежала к себе и упала на кровать лицом в подушку: образ Дениса до сих пор стоял перед глазами. Какой же он симпатичный, милый. Стеснительный. Он умеет говорить красиво, несомненно! Просто смутился от ее неожиданного визита. Где же Лёшка, когда он так нужен?! Пусть даст толковый совет, как мужчина, что ей делать?

– Поскольку Дредда тут нет, я приказываю: отбой! – Индеец рухнул на койку и закрыл глаза. – Можете сколько угодно о девицах размышлять, бабники, а я спать хочу.

Не найдя поблизости выключателя, Денис, обернув руку свитером, выкрутил лампочку. Было слышно, как Сафроненко шуршал, устраиваясь поудобнее.

– Я – легенда, – донеслось из темноты.

Пока Денис пытался понять, что сталкер имел в виду, тот уже захрапел. Легенда... Если Вирус так увлекательно рассказывает истории, в которых не участвовал, то об этом походе будет просто многосерийный пересказ ходить по метро, уж сочинитель-очевидец постарается! К нему самому сон не шел, как было недавно дома на станции, когда он мечтал об экспедиции. Вот он и пришел, куда хотел. Теперь хочется остаться здесь.

Командир пытался уложить в голове свой дебют в роли торговца. Нет, все-таки обделался... Но не может же один человек уметь всё. А Поповкин всегда найдет, к чему придраться, на то он и начальник, чтобы крайнего найти.

Послышался осторожный стук. Это явно был кто-то из местных, потому что сталкер из отряда уже ломился бы в дверь с воплем «срочное дело» или вообще не побеспокоил бы.

– Войдите. – Доронин, не скрывая намерений, снял пистолет с предохранителя. Правильно поймут, если просто поговорить пришли.

Красивый светловолосый парень, присутствовавший на переговорах, только усмехнулся при виде ПМ в руке командира, показал пустые ладони:

– С вами хотел поговорить Главный Привратник. Я вас провожу.

– И о чем он говорить собрался?

– Если б я знал... Я должен просто передать просьбу. Оружие вам не понадобится, но в этом вы и сами скоро убедитесь.

– Ни сна, ни отдыха! У них-то рабочий день в разгаре. Не терпится еще поруководить, видно, подчиненных не хватает...

Нарбеков понял всё без слов: спать до возвращения командира не придется, взрывчатка остается под его личную ответственность. Монетка гипнотизирующе поблескивала, всё быстрее перемещаясь между гибкими пальцами.

Глава 8

Странная смерть

Ощущение было такое, будто потолок упал на голову! Когда Елена вдруг поймала его в коридоре и начала рассказывать, какой замечательный молодой человек Денис, Алексей подумал, что сейчас, отбросив обычное хладнокровие, просто пойдет и убьет собственными руками этого замечательного. Вот этими самыми руками, которые дрожат, и если бы Лена не закатывала в экстазе глаза, заметила бы. Но он довольно быстро восстановил контроль над собой и спросил – как обычно с иронией:

– А когда же ты успела это узнать?

– Да вот только что!

– За пять минут?

– А много времени и не нужно. Он мне очень понравился. – Ну, вот и вслух смогла произнести. Теперь самой легче стало.

– Это-то и пугает. Вот так сразу понравился... Человека узнать нужно, хоть немного.

– Ну, ты, прямо, как дядя! Я к тебе, как к человеку, а ты... – Но в чем-то Лёшка прав. Хотелось узнать о Денисе побольше, но не потому, что так положено, а просто: знать о нем всё-всё!

Елена убежала, можно было выдохнуть, стереть с лица эту улыбку. И со всей силы ударить по стене кулаком: идиот! Не этот... Он сам идиот. Неизменные в течение многих лет обстоятельства усыпили чутье. Алексей держал нос по ветру во всех делах и событиях местной политики, но забыл, что за стенами бункера существует еще целый мир. Не такой, как раньше, но в нем тоже живут люди, и они могут стать досадной помехой его планам! Ничего... Нет непосильных задач. Нет нерешаемых проблем. Всё возможно. И в этой истории надо разобраться с самого начала: как тут появились эти люди? Не получится ли извлечь пользу для себя?

* * *

Доронин не чувствовал беспокойства. Привратник почему-то внушал симпатию. Недоверие давно стало второй натурой командира сталкеров, но тут вечно ожидаемая опасность отодвигалась куда-то, оставаясь за дверями. А внутри – деловой старикан и кружка с кофе на столе. Пахло, конечно, не так, как должно, но и плесенью не отдавало. Кофе был горячий, и сейчас командиру не помешало бы немного бодрости, устал он не меньше остальных, но вот отдохнуть не получается никак.

– О чем вы хотели поговорить, Борис Владленович? Кофе мне нравится, считайте, что мы договорились. Может, вы хотели предложить еще что-нибудь?

– Если вас интересует оружие нелетального действия. Против монстров, конечно, это как игрушки, а люди у нас в бункере мирные, с соседями, правда, отношения... Но тоже не пригодно. А вот у вас там, в городе, наверное, нередки ссоры и мелкие столкновения интересов. Какой-нибудь электрошокер был бы полезен.

Доронин понял, что длинные предисловия Нестерова становятся уже привычными уху: он начинает пропускать их в ожидании слов, несущих смысловую нагрузку.

– Шокер – это было бы хорошо. Но действительно, игрушки все это. Аккумуляторы еще заряд держат?

– Ну, на пару применений хватает. И светошумовые гранаты. Это уже не армейское оружие, для внутренних войск предназначалось.

Командир не смог скрыть заинтересованности, тут же вообразив, что такая штука может сотворить с противником, глаза которого давно отвыкли от яркого света. Да и монстра отпугнет хоть на время. Стоило узнать, сколько у Нестерова в запасе подобных вещей. Альянс будет доволен.

– И вы получите от меня образцы в качестве подарка, если выполните одну личную просьбу...

Дредд и не думал, что беседа будет скучной, потому что официальную часть визита они уже отработали в присутствии Совета и остальных. Неофициальные мероприятия всегда бывают намного интереснее.

– Должен начать с того... Это я послал за вами. И вы здесь, потому что нужны мне.

Доронин о чем-то подобном догадывался – не по собственной же инициативе Мухин вдруг в Москву рванул. Но не предполагал, что приказ исходил с самого «верха».

– Тогда какого же черта был весь этот спектакль у входа?!

– Это был спектакль не для вас, а для них, – Привратник указал на коридор. – Положение обязывает играть свою роль до конца. Так что я был таким же актером, как вы.

– Но у вас была какая-то цель, ведь не ради торговли вы все это затеяли? Могли бы и несколько человек отправить с товаром, не так уж мало у вас людей, как я заметил. Думал, что меньше.

– Вы правы, Валентин, дело личное. Нет, обмен состоится, вы получите ОЗК и лекарства, как мы и договаривались! Но есть еще одно условие сделки...

Командир набрался терпения, так как уже понял: старик привык к эффектным выступлениям. Если подумать, другого способа удержать лидерство у него и не было: власть здесь сохраняли не силой оружия, а силой убеждения. Для этого народные массы следовало готовить, разогреть публику.

– У меня есть условие. Ваш отряд уйдет вечером, как мы и договаривались, но вы возьмете с собой одного человека. Мою племянницу, Елену. – И с любопытством смотрел, как Доронин пытается одновременно хмурить брови на ненужное ему условие и подавить ухмылку: девчонку в отряд?!

– Борис Владленович, а вы понимаете, куда отправляете свою племянницу? И главное – с кем? Моя группа почти наполовину состоит из осужденных, это же фактически штрафной батальон, где они должны искупить вину за преступления. А вы... Девчонку в такую компанию! Да и дорога дальняя, опасная. Это вам не променада барышень с зонтиками!

– Я вижу в группе вас. Если вы смогли дойти сюда, потеряв только одного человека, это говорит уже о многом.

– Подфартило! Это не моя заслуга. – Доронин подумал, что Привратник сейчас грубо льстит ему. Со стороны не видно ни сомнений, ни страхов, ни постоянной боязни утратить авторитет. Кажется, что он боевой офицер? А ведь он даже не военный, в армии только отслужил, рядовым, командир – не звание. Просто в какой-то момент пришлось... Да многое тогда пришлось. Лучше и не вспоминать! Когда в его руках было оружие, никто не спрашивал, имеет ли он право руководить. Привратник, например, сумел держать людей в подчинении без огневой поддержки, значит, его профессионализм намного выше. Доронину никогда не удавалось усмирить толпу без предупредительных выстрелов, а бывало, и не только предупредительных. Кто будет слушать слова, когда в голосе гремит металл и аккомпанементом к ним звучит автоматная очередь? Но тут требовался именно вояка, опытный и бесстрашный, который сумеет уберечь девчонку от опасных монстров и не даст в обиду нехорошим людям. Подкупает Борис Владленович своими похвалами... Сколько ни хмурился командир, улыбка все же расплзлась неудержимо: есть у него в отряде тот, кто возьмет на себя эту «тяжелую обязанность» и счастьем своему не поверит! Везет молодым, судьба еще делает им неожиданные подарки.

– Мне подумать надо. – Командир действительно должен был подумать... Принимать ли предложенный «довесок», и если принимать, то как переправить в город? – Девушка-то хоть раз противогаз надевала?

– Леночка выходит наружу со сталкерами, и стрелять обучена, но она, конечно, не умеет многих вещей. Например, никогда не участвовала в вооруженном столкновении, ее всегда кто-то прикрывает... Но, по крайней мере, дремучий лес для нее не препятствие.

– Лес... В городе лесов нету, зато хищников хватает и на земле и под землей. Короче, давайте, Борис Владленович, оба еще подумаем. И решим что-нибудь попозже...

Доронин еще ничего не решил, но уже строил примерный план возвращения с учетом девчонки. Никакой новой тактики-то и не понадобится: поместить ее в середину, как раньше проводника, – вот и все дела. Груз легче стал, отряд более мобилен, и даже если везуха кончилась, давать отпор всяким гадам будет проще.

Ноги гудели. Еще немного, и начнется тупая боль в перетруженных мышцах. Хорошо, что он не поддался на уговоры Привратника остаться подольше. Во-первых, дрезина будет ждать, задаток-то внесен, во-вторых, бойцы отдохнут, но сильно не расслабятся, в-третьих... Сейчас только задержись, так по примеру этой Леночки полбункера в метро эмигрировать соберется, и тащи их всех с собой. На это Дредд не подписывался!

Интересно, он так и будет все эти сутки смотреть на часы, считая оставшееся время? Сначала до утра, теперь – до вечера. Хоть часик бы поспать! Илья разбудит. Но осталось еще одно незаконченное дело...

– Нарбеков! – Шепот командира в тишине прозвучал, как гром. – Илья!

– Что, Валентин Николаевич?

– Ты мне все-таки скажи, почему ты воровал? Как-то не верю я в то, что тебе это понадобилось... Подставил кто? Даже не знаю... Но вот хотел давно у тебя самого спросить. Не ответишь, ну и не надо. Я понимаю. Но мне хочется знать.

Ильяс помолчал. Потом, вздохнув, ответил:

– Я хотел жениться. Ее родители просили выкуп за невесту. Я не знал, что мне делать... Ждать больше не мог, вот и решил... Девушка была не в курсе. Я даже не знаю, захочет ли она разговаривать с вором. Вот когда вернемся домой, меня освободят, я пойду к ней и спрошу...

– Зульку с Электрозаводской, что ли?! У нее же усы, как у заместителя начстанции! – Нумизмат так сердито засопел, что командиру стало неудобно. – Ладно, Илюха, не обижайся. Будем считать, что я в женской красоте ничего не понимаю.

– А она...

– Да не вышла она замуж, если ты об этом. Успокойся. Родители еще не продали. Дикость какая-то первобытная... Ничего, вот вернемся, ребят опять соберем и украдем твою невесту.

Командир усмехнулся про себя: парень лежит на трех килограммах взрывчатки, а мысли витают черт знает где. Мало ему было Пищухина, как пыльным мешком стукнутого, теперь еще и Илья. Но все же он узнал, что хотел. Да, воровал сталкер, но теперь понятно, что не от жадности. Не зря считают, что влюбленные и сумасшедшие чем-то похожи...

* * *

Искать племянницу долго не пришлось, она и не уходила вниз, стояла около лестницы в раздумьях, не замечая никого вокруг. Борис Владленович понял, что не ошибся: хоть он уже стар и плохо видит, но не заметить лопоухого растрепанного юношу и ту искорку, которая почти зримо вспыхнула между молодыми людьми во время скучного торга, даже он не мог. Привратник должен знать всё и думать, как этим правильно воспользоваться. Обстоятельства помогали его планам, как попутный ветер, значит, решение верное.

– Леночка, пойдём. У меня есть к тебе одна просьба...

О чем дядя хочет ее попросить? Ну, сейчас даст какое-нибудь поручение, и придется заниматься жуткой нудятиной, например, составлять опись товара, предназначенного сталкерам. И она пропустит тот момент, когда можно будет еще раз поглядеть на Дениса. Но, кажется, Борис Владленович задумал что-то необычное, потому что долго молчал и смотрел на нее. Елена даже на стуле ерзала, предполагая, что ей сейчас влетит как следует, начала припоминать, за что бы он мог устроить ей выговор. Неужели за то, как она в прошлый выход автоматный рожок в снегу потеряла? Так его же Володя нашел и обещал не трепаться.

– Лена, тебе уже двадцать лет исполнилось.

Началось... Сейчас скажет, что она все еще вещи разбрасывает, как маленькая. Или что Лёшку отвлекает от серьезного дела, а пора уже самой... Ну, точно.

– Пора уже подумать о будущем.

Опа! Не автоматный рожок, значит... А что?! Елена надеялась, что речь пойдет о какой-то работе, а не о «женском счастье», разговора о котором она давно с ужасом ждала. Теперь ей казалось, она что-то поняла в этих словах, но совсем не то, что понимает под ними дядя.

– Я прошу... Сегодня к вечеру собраться и пойти в Москву с этими сталкерами. Только не подумай, что я к тебе плохо отношусь, что не люблю тебя и потому отсылаю... Если тебе там не понравится, ты ведь сможешь позже вернуться обратно! Но лучше тебе было бы оставаться там.

Собраться... Вечером... Вернуться... Она плохо понимала, что предлагает дядя. Всегда такой многословный, Главный Привратник впервые не знал, что сказать. Смотрел на племянницу печально и с надеждой: расставаться с ней не хотелось, но лучше бы сейчас послушаться старика. Он давно уже обдумывал это решение, и в мыслях оно казалось ему правильным, но когда представлял себе, что останется здесь совсем один, становилось не по себе. И он всё откладывал, не делал ничего. Потом подумал, что никто не заставляет его непременно отсылать от себя племянницу, а ее – уходить неизвестно куда. Решил просто посмотреть, что получится из этой затеи... Если просто послать в Москву верного человека, кого он приведет с собой? Сегодня он посмотрел и убедился, что сталкеры, в сущности, не сильно отличаются от людей в бункере. По крайней мере, с их командиром можно было иметь дело.

А Главный Привратник останется один. Власть хороша, придает сил, дает цель – не потерять ее! Но жизнь становится тогда какой-то плоской, односторонней... Люди не любят облеченных властью, внутри них зреет скрытое недовольство, а восхищаться им уж точно не за что, он же не полководец, одержавший блестящие победы. В лучшем случае он слышит подхалимские речи, лживые слова корыстных людей. Наверняка есть те, кто сейчас хотел бы занять его место. Но где же они были тогда?! Когда он действительно чувствовал себя, как на войне, хоть она и пронеслась над ними в один миг огненной волной, но продолжалась еще долгое время внутри. Внутри бункера. Внутри каждого человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.